

НИКОЛАЙ АРХИПОВ

ГРАНЬ

Введите текст

Николай Архипов

Грань

«Автор»

2026

Архипов Н.

Грань / Н. Архипов — «Автор», 2026

Пекло гражданской войны. Кинутый на произвол судьбы юный князь Тарков становится то беспризорником, то шулером, то просто арестантом с туманным будущим. Голодная Москва, батька Махно, чекисты, все, кто попадался на Мишкином пути, все они так или иначе принимали участие в судьбе князя. Так он стал чекистом и гонялся за бандой ненавистного Петрония, затем тюрьма и приговор без приведения в исполнение. Затем долгие годы эмиграции, снова лагерь и, наконец, война. Что его ждёт там, за гранью жизни и смерти?

© Архипов Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Николай Архипов

Грань

Глава

Помни прошлое,
береги настоящее
и верь в будущее.

Часть 1. Месть.

Глава 1.

Плен.

– Посмотри, Вернер, этот кажется ещё живой.

Миша с трудом приоткрыл глаза и в упор встретился с любопытным взглядом серых глаз, опущённых белёсыми ресницами. Ни злости, ни вражды не увидел Миша в этом взгляде, лишь одно по-детски беспредельное любопытство. В первую минуту он был заворожён этим обезоруживающим взглядом, но выработанная годами привычка быстро оценивать обстановку в один миг всколыхнула его сознание. Миша инстинктивно напрягся, вскочил на ноги и быстро гляделся. Поле, по которому они только что бежали в атаку, было взрыхлено снарядами так, что не осталось ни одного целого клочка земли. Горела техника, трава. Казалось, сама земля исходила чадающими дымами, плотно занавешивая багряное вечернее солнце. Повсюду, насколько хватало глаз, лежали солдаты. В касках, пилотках и вовсе без них. Лежали так, как застала их смерть. Скрючившись, раскинув руки и провалившись в воронки. Все такие разные и все такие одинаковые – мёртвые.

По полю не спеша, словно хозяева на прогулке, ходили немецкие солдаты. То тут, то там раздавались одиночные выстрелы. Добивали раненых. В отдалении у сгоревшей тридцатьчетвёрки с оторванной башней стояла кучка советских бойцов в окружении трёх немцев. Рядом с Мишей замер тот самый любопытный белобровый, совсем молоденький немецкий солдат в надвинутой на глаза каске. Форма на нём висела навроде мешка, в руках он неумело держал автомат. Неподаляку стоял второй солдат, постарше и, по всему виду, посерьёзнее. Именно его белобрысый назвал Вернером. Он, в отличие от первого, попусту не любопытничал. Подловому подойдя к Мише, он быстренько оценил его и, указав стволом автомата на горстку пленных, гаркнул:

– Пошёл! Быстро!

Миша знал немецкий. Хорошо знал. У него даже, как говорили, был чистый австрийский акцент.

– Не беспокойтесь. Я понял. – Спокойно сказал он.

У Вилли от удивления округлились глаза.

– Немец? – коротко спросил он.

– Нет, – ответил Миша.

– Еврей?

– Русский.

– Хорошо, – сказал Вернер. – Если правильно будешь вести себя, останешься жить. Я доложу о тебе господину гауптману.

Миша отряхнул пыль с гимнастёрки. У него чудовищно болела голова. Медленно, спотыкаясь на каждом шагу, Миша, не торопясь направился к своим. Их стояло шестнадцать человек. Таких же пыльных и безоружных. Растерянных и злых. Это были все, кто выжил в сегодняшнем бою. Шестнадцать человек от почти восьмисот по списку. В центре двое солдат под руки поддерживали раненого майора, командира соседнего батальона по фамилии Разин. Из них Миша знал ещё только одного. Рядового Тихона Тепличкина. Мужика из Саратовской области. Не то тракториста, не то шофёра, Миша толком уже не помнил. Знал только то, что детей у этого рядового было ажных двенадцать штук. Тихон был мужик в годах, по-крестьянски деловой и любитель потрепаться, чем не раз выводил из себя ребят. Остальных Миша видел впервые. Все шестнадцать как один смотрели на подходившего Мишу.

– Ты откуда немецкий знаешь? – тяжело дыша, спросил комбат.

– В школе хорошо учился, – ответил Миша и, осмотрев командира, спросил. – Здорово задело?

– Терпимо, – майор от боли закрыл глаза. – Не дождутся, суки.

По волосам майора медленно стекала кровь. Бок гимнастёрки тоже был пропитан ею до предела. Миша подошёл к нему поближе и внимательно осмотрел.

– А ну-ка, – он задрал полы гимнастёрки и осмотрел рану. – Да, порядочно зацепило, но не смертельно.

Миша вынул из кармана пакет, развернул его и достал бинты. Бинты у солдата в то время были редкостью, но Миша наладил отношения в госпитале и всегда имел при себе запас. Без суеты, уверенно стал перевязывать комбата. Бинтов не хватило. Тогда он, не раздумывая, снял гимнастёрку, за ней рубашу и порвал её на ленты. Теперь был полный порядок. Надев на голое тело гимнастёрку, Миша устало присел прямо на землю и привалился спиной к колючему и прохладному траку гусеницы танка. Бойцы всё это время стояли молча. Похоже было, что нелепо закончившийся бой пошатнул-таки их психику. У многих в глазах читалась тоска, а больше всего страх. Страх, граничащий с безумием. И только комбат да Тихон держались.

Спустя час к ним подошёл офицер. Тот самый гауптман, которого поминал Вилли. Так подумал Миша. Гауптман приказал построить пленных в колонну по двое. Солдаты медленно выстроились и их тут же повели к стоящему не пригорке селу. Комбат еле передвигал ноги, но до села он все же дошёл. Стрелковый полк, в котором воевал Миша, проходил здесь пару дней назад, но это сейчас было уже не то село с ухоженными домами, с огромной белой церковью посреди небольшой площади. С бегающими взад, вперёд детишками и собаками. С висящими на заборах любопытными старушками. От того села не осталось и воспоминания. Сейчас по краям дороги стояли лишь руины да торчащие к небу печные трубы, атрибуты всех войн. Перепаханые танками огороды с остатками деревьев, на которых всё ещё краснели никому уже не нужные яблоки, да дымящиеся воронки вместо дороги. Вот и всё, что осталось от села, названия которого Миша так и не узнал.

Их подвели к церкви, затолкали прикладами в каменную пристройку, закрыли тяжёлую, окованную старинным, проржавевшим насквозь железом и крепко заперли её. Внутри было сыро, прохладно и темно. Лишь сквозь узкие окошки, больше напоминавшие бойницы, пробивался тусклый вечерний свет. Усталые солдаты уселись прямо на дрова, хранящиеся в этом забытом богом, а заодно и попами, сарае. Уселись молча. Говорить не хотелось. Да и о чём сейчас можно было говорить? Разве что тому же богу помолиться, благо помещение было церковным? Можно было, но желания ни у кого не было. Должно было быть, но не было и всё тут. И не только желания, даже мысли такой не возникло у вымотанных за день солдат. Так и просидели они до самого утра на дровах думая каждый о своём и все об одном и том же.

Наутро их вывели во двор церкви. Там уже стояла, построившись в шеренгу, приличная толпа из таких же бедолаг, попавших в плен. Человек двести. Никак не меньше Оборванные, грязные до последней возможности. Много раненых, стоявших из последних сил в пропитан-

ных кровью бинтах. Стояли молча, с ненавистью глядя на чистых и опрятных немцев. Смотрели, сжимая кулаки и зубы. Миша примкнул последним, держа под руку ослабевшего майора. Тот немного оклемался за ночь и стоял уже более уверенно, но Миша видел, что сил у командира было совсем немного и никакого перехода он уже не выдержит, если, конечно, он будет. По краям строя стояли уже не те вчерашние обозники, которые их собирали, а упитанные, матёрые фрицы, с трудом удерживающие рвущихся на коротких поводках и исходящих в злобном лае овчарок. Перед шеренгой пленных вышел немецкий офицер в чине майора. Рядом с ним пристроился гражданский в сером костюме с небольшим портфелем в тонких, холёных руках. Офицер презрительным взглядом окинул застывший в ожидание строй и заговорил. Громко и отрывисто, словно залаял вместо конвойных собак. Гражданский старательно переводил нервные выкрики майора.

– Вы теперь являетесь военнопленными великой Германии. Мы могли бы вас расстрелять, но немцы гуманная и цивилизованная нация. Великая нация, которая даёт вам шанс перейти на службу вермахта. Скоро наша победоносная армия возьмёт Москву и тогда ни у кого из вас не будет выбора. Германия нуждается в рабочей силе. Вас будут хорошо кормить, лечить и за это вы будете хорошо работать. Кто не будет работать, будет уничтожен. А сейчас командирам, коммунистам и евреям выйти из строя!

На некоторое время на площади наступила зловещая тишина. Только собаки тявкали, да где-то на окраине слышались надсаженные гулы моторов. Первым из строя вышел высокий подполковник. Вышел и встал как раз напротив немецкого офицера. Его тяжёлый взгляд упёрся в лицо майора. Тот только криво ухмыльнулся и невольно отвёл глаза.

– Спасибо, браток, – Разин пожал руку Мише, тяжело вышел из строя и встал рядом с подполковником.

К ним примкнуло ещё человек двадцать. Немецкий майор довольно улыбнулся и, повернувшись к застывшим неподалёку солдатам с винтовками на плече, махнул рукой. Те тотчас сорвались с места, обступили офицеров и погнали их к входу в церковь. Выстроили в ряд у обшарпанных ступеней и, отойдя метров на десять, построились. Командовал отрядом тот самый гауптман, что был на поле. Отряд снял винтовки с плеча и направил их в сторону пленных русских офицеров. Гауптман уже было хотел подать команду стрелять, как дверь в церковь с тяжёлым скрипом распахнулась, и из неё вышел священник с большим крестом в руках. Священник был уже в том почтенном возрасте, когда пора задуматься о вечном, но на вид всё ещё крепкий. Седая длинная борода закрывала его рясу по пояс. На непокрытой голове утренний ветерок шевелил остатки белых волос. Он встал впереди пленных и поднял над собой крест.

– Люди! – густой бас священника загудел над площадью как набат. – Опомнитесь, люди! Не совершайте греха смертного, не поднимайте руки...

Гауптман быстро оглянулся на майора. Тот кивнул головой и гауптман опустил руку. Раздался залп. Эхо выстрела шарахнулось под куполом церкви и полетело по гулким улицам. Затем наступила звенящая в прозрачном воздухе тишина. Перепуганное насмерть воронье давно уже покинуло колокольню, а священник все стоял впереди полёгших на землю офицеров, и рука его всё ещё держала золочёный крест над седой головой. Гауптман в страхе смотрел на священника и не мог пошевелиться. Но вот выпал крест из ослабевших рук, и старик медленно опустился на землю. Черная ряса как траурная вуаль накрыла пыльную церковную дорожку.

Колонну пленных гнали на запад весь день, до самой ночи. Останавливались лишь на короткие, не дающие передышки, промежутки. Нужду справляли прямо на ходу. Слабые и раненые падали в пыль и их тут же добивали конвойные солдаты. Никто никого не хоронил. Погибшие так и оставались лежать в придорожной пыли. К тем пленным, что стояли у церкви добавлялись ещё и ещё. Колонна быстро росла по мере приближения к польской границе. На ночь арестантов старались загнать в сараи, брошенные коровники, овраги, но приходилось спать прямо в поле. Лес старались обходить стороной. Было видно, что его-то и боялись немцы

больше всего. За три дня пути кормили лишь один раз. Давали чёрствый хлеб и какую-то баланду, от которой пахло тухлятиной и ещё чёрт знает чем. На четвёртый день вышли на перрон. Все, кто выжил. Там стояли вагоны, в которых в мирное время перевозили скотину. Тут же, с ходу пленных стали рассовывать по вагонам. Торопились, словно их черти гнали в пекло. Набили так, что можно было только стоять, тесно вдавливаясь друг в друга, затем, орудуя прикладами, с трудом закрыли двери и заперли их. Пробуксанув чугунными колёсами на блестящих рельсах и выпустив лишний пар, состав не спеша тронулся к границе. За неделю пути вагоны освободились на треть. Мёртвых снимали раз в сутки. Всё остальное время они стояли вместе с живыми, касаясь холодными спинами спины живых. Смерд стоял такой, что из глаз текли слёзы. По полу вагона текли зловонные лужи, орошая железные рельсы путей. Раз в сутки кормили. Всё той же мизерной пайкой хлеба из отрубей и тухлой баландой, от которой мутило и выворачивало кишки. Ехали молча. Говорить было не о чем, да и не хотелось. Каждый мысленно прощался с белым светом, и судьба соседей его вовсе не интересовала. За всё время пути Миша и Тихон держались рядом. Миша молчал, а Тихон время от времени судорожно шептал:

– Дети, мои дети...

И вновь замолкал, надолго уходя в себя. Некоторые пробовали бежать. И во время пешего перехода, и в поезде. Никто не ушёл. Все легли. Гнетущая тишина и смерть плотно витали над вагонами. Все готовились умереть. Верующие молились, неверующие молились вместе с ними. Молча. Итог был один для всех.

На границе с Польшей оставшихся в живых арестантов вывели из вагонов и построили. Офицеры в сопровождении солдат стали обходить ряды несчастных и отбирать более здоровых. Миша с Тихоном оказались в этом числе и их повели в какой-то сарай на краю станции. Накормили довольно-таки сносной едой и заперли на ночь, а на утро снова вывели и построили. Подъехала открытая машина. Из неё вышел офицер в форме СС в звании майора. С ним прибыли два офицера пониже рангом и молодая симпатичная девушка в военной форме. Она брезгливо оглядела ряды пленных, достала из кармашка платочек, прижала его к носику и спряталась за офицеров. Майор был деловым человеком, он не стал читать никакой морали и разводить пропаганду. Он сразу перешёл к сути вопроса, говоря на ломаном, но всё же приличном русском языке:

– Кто добровольно желает перейти на сторону великой Германии и служить ей на благо процветания?

Лишь привычная для пленных тишина была ответом на предложение офицера. Но это только вначале. Вот ряды дрогнули, и вперёд вышел молодой мужчина в порванной гимнастёрке с петлицами артиллерииста.

– Я желаю, – проговорил он.

– Представьтесь, – приказал майор, вглядываясь в пленного.

– Рядовой Васильев, пятьдесят третий артиллерийский полк, – отчётливо доложил пленный.

– Очень хорошо, – сказал майор. – Следующий.

Понемногу стали выходить и остальные. Человек тридцать. Каждый представлялся. Оставшиеся презрительно смотрели на предателей и сжимали кулаки. Те не смотрели ни на кого. Михаил напряжённо думал, наблюдал, затем, что-то решив про себя, дёрнул за рукав Тихона и прошептал:

– Выходим. Там придумаем.

Он так и вышел, таща за собой Тепличкина. Майор с удивлением посмотрел на них и подошёл поближе.

– Рядовой Дорогов. Сто восьмая стрелковая дивизия. Князь Тарков.

Тихона полковник даже слушать не стал. Он ещё ближе подошёл к Мише. На лице у него явно читалось любопытство.

– Князь?

– Так точно, – ответил Миша.

Майор с минуту смотрел на Мишу, затем повернулся к конвою и отдал приказ:

– Этого отмыть, одеть и ко мне. Остальных добровольцев в казармы. Тех, кто не вышел – в лагерь.

Глава 2.

Банда.

Вечер в тихом имении князей Тарковых проходил своим обычным порядком. Глава семейства, Иван Львович сидел в своём любимом кресле на веранде и читал книгу. Его супруга, Глафира Петровна что-то пыталась разучить на фортепьяно с младшей дочерью Зиной, а Миша, их сын, как всегда, лоботрясничал. Он не любил летние каникулы. Не любил уезжать в это захолустье, как говорил о нём старший брат Пётр и уж совсем не выносил этой патриархальной тишины. Мальчику было четырнадцать лет, а в это юном возрасте сидеть сиднем нет никакой возможности. Единственным его развлечением была конюшня, да уроки с гувернёром, бывшим поручиком лейб-гвардии Родимовым. Тот хоть и был уже взрослым мужчиной, но юношеский пыл растерять не успел. Он обучал Михаила верховой езде, французской борьбе и, что примечательно, карточной игре. Последнее было их великой тайной. Поручик когда-то сильно проигрался. Спустил всё. Вплоть до имения и последней лошади. Только благодаря Ивану Львовичу он остался жив, а не застрелился у себя в казарме. Князь пожалел неудачника и пристроил его гувернёром к своему сыну. По вечерам он зачастую развлекался в играх с барчуком, с досадой вспоминая прошлые утехи. При всём этом Родимов клятвенно обещал князю карт в руки не брать и не стреляться. Однако зачастую нечистый всё же толкал его под ребро, и тогда отставной кавалерист начисто забывал свои обещания и устраивал в чулане небольшую игру с юным княжеским отпрыском. Одного не учёл гусар. Сей отпрыск оказался сообразительным и ловким парнишкой. Он без труда усвоил все приёмы шулеров, подтянул к этому делу математику и через пару месяцев легко обыгрывал своего учителя. На интерес не играли, а ставить на кон было нечего. Ставили то, что попадало под руку. В итоге Миша выиграл у гусара всё его небольшое имущество, включая дырявые, вонючие носки и последнюю пару белья. Так или почти так проходило лето 1918 года. Последнее лето беззаботного детства. Последнее лето князей Тарковых.

Миша до последней мелочи помнил ту ночь. Ночь, перевернувшую всю его жизнь. Он проснулся от звона стекла и диких криков на улице. Миша открыл глаза и привстал на кровати. По стенам комнаты отсвечивали красные блики. Вскочив с кровати, Миша бросился к окну. Во дворе усадьбы было светло как днём. Горел каретный сарай, горела конюшня. Обезумевшие кони метались по двору. Их ловили какие-то незнакомые люди в полувоенной одежде. Такие же люди ходили по усадьбе и что-то кричали друг другу. Миша стал лихорадочно одеваться. Он уже почти собрался, как дверь в комнату распахнулась, и на пороге возник Родимов. В руке у него был револьвер.

– Собрался? Держи. Он заряжен. Быстро за мной, – Родимов сунул в руки Миши второй револьвер.

– Кто это? Где папа, мама?

– Некогда... Потом... Быстро, говорю тебе!

Гусар бросился по коридору, ведущему в сад. Миша с револьвером в руках устремился за ним. Но не успели они добежать до спасительной двери, как она открылась, и в свете багряного зарева в ней возник человек с шашкой в руках. Родимов выстрелил и ногой вытолкнул

незнакомца на веранду. Тот вывалился словно мешок с сеном, но на его месте возник ещё один. Снова выстрел и снова. Родимов с Мишей бежали прямо по трупам, стараясь прорваться к оврагу. Там начинался лес, и лучшего убежища им сейчас найти было невозможно. Так удалось добежать до калитки, но на той стороне усадьбы по всей видимости слышали выстрелы и к ним бежали трое налётчиков, стреляя на ходу по беглецам из коротких винтовок. Миша впервые слышал, как над головой свистят пули. Он обернулся и выстрелил в ближнего бандита. Тот словно споткнулся, остановился и тут же плашмя упал на землю. Миша хотел ещё выстрелить, но не успел. Он почувствовал, как Родимов схватил его за руку и с непреодолимой силой потащил в сторону оврага. Миша едва успевал перебирать ногами. Потом они долго катились по уклону, цепляя кусты, лопухи, обжигаясь метровой крапивой и оставляя за собой клочки разорванной одежды. Выстрелы в их сторону на краю оврага не прекращались. Беглецы их уже не слышали. Долго бежали по дну оврага. Падали, вставали и снова бежали. Вот и спасительный лес. У первого дерева оба без сил упали в высокую траву и лежали до тех пор, пока не отдышались.

– Револьвер потерял, – встав на ноги и пошарив по карманам, проговорил Родимов. – Ты как?

– Кто это был? Что это?

– Бандиты, – коротко ответил Родимов.

Миша тоже встал и посмотрел на усадьбу. Там всё горело. Всё. Миша понял без слов и только крепче сжал рукоятку револьвера.

– Уходить надо, – Родимов протянул руку. – Отдай наган.

Миша быстро сунул руку с револьвером в карман куртки и попятился от Родимова. Тот внимательно посмотрел на него, махнул рукой и, повернувшись, зашагал в лес. Миша немного постоял и пошёл вслед за ним. Шли всю ночь. Гусар, похоже, хорошо знал дорогу и ни разу не сбился с невидимой тропы. Шёл уверенно. Миша не отставал. К утру вышли к какой-то деревеньке, стоящей на берегу речки. Родимов обошёл её стороной и снова углубился в лес. Только к полудню остановились на привал. Сил идти дальше больше не было. Ноги отказывались ступать по неровной, опутанной кривыми корягами лесной тропе. Мысли в голове путались, тут же рождались новые, но и они беспцельно пропадали сами собой. Сели на поваленное дерево, закрыли в изнеможении глаза да так и просидели до темноты, то и дело погружаясь в тревожную дрему, просыпаясь и снова уходя в небытие.

Следующую ночь снова шли. День отдыхали. На третью ночь пришли в одиноко стоящую на крохотной полянке избушку. Родимов тихо постучал в обитую медвежьей шкурой дверь. Тут же за дверью послышались шаркающие шаги, и Миша услышал скрипучий голос:

– Кто?

– Пётр.

Загремел тяжёлый засов и дверь открылась. Миша невольно отшатнулся. На пороге в полумраке сеней перед ним стояла ведьма. Настоящая, как на картинках в книжке. В тулупе, в платке, повязанном странным манером на маковке. С распущенными космами и загнутым книзу кривым носом. Всё говорило о том, что это ведьма, если бы не глаза. Большие, красивые и добрые. Казалось, что они не принадлежали этому испещрённому морщинами лицу, а жили сами по себе. Отдельно.

Старуха была довольна произведённым на мальчика эффектом и весело рассмеялась скрипучим смехом. Родимов при виде этой сцены только досадно плюнул в траву и пошёл за старухой в дом. Миша зашёл следом. Убранство избушки никак не напоминало логово ведьмы. Обычная крестьянская изба с печью, полатами, иконами и горячей голубой лампадкой. Родимов остановился посреди избы, трижды перекрестился на святые лики и сел за чистый дощатый стол. Миша хмуро наблюдал за ним. Он настолько устал, что повторял за Родимовым все движения, но крестится на старинные иконы всё же не стал, а молча сел на лавку за стол. Ста-

руха только головой покачала, но тоже ничего не сказала. Она без лишней суеты покрыла стол скатертью, поставила на неё немного еды и вынула откуда-то из-за печи запыленную бутылку настоя. Аккуратно протёрла её передником и водрузила на стол. Сама же села на табуретку у печки и скорбно уставилась своими неземными глазами на гостей. Родимов налил себе рюмку самогонки, снова перекрестился на иконы и поднёс рюмку ко рту. Но не выпил. Подумал немного, поставил посудину обратно на стол, взял вторую рюмку, наполнил её до краёв настойкой и поставил перед Мишей.

– Помянем невинно убиенных. Царство им небесное, – проговорил Родимов и опрокинул содержимое рюмки себе в рот, затем положил в тарелку печёную картошку, куски жареного мяса и стал жадно есть, набивая полный рот.

Миша посмотрел на мирно жующего гусара, мельком взглянул на старуху и осторожно взял в руки свою рюмку. Рука дрогнула, и капли мутной влаги упали на скатерть. Миша снова посмотрел на старуху. Та уже не напоминала ему ведьму. Перед ним сидела просто старая женщина, какие обычно сидели на завалинках своих домов в их родном имении. Она одобритительно кивнула Мише головой и снова замерла в скорбной позе. Миша поднёс рюмку ко рту. В нос тут же ударил резкий запах самогона. Он закрыл глаза и так же, как Родимов, кувырнул содержимое себе в рот. Родионов с интересом наблюдал за воспитанником, при этом, не переставая жадно есть. Глаза у Миши в одну секунду покраснели. Он взмахнул рукой и закашлялся. Родимов улыбнулся и сунул мальцу в руку солёный огурец. Вскоре оба мирно ужинали. Родионов время от времени подливал себе старухиной настойки. Мише наливать уже не стал. Да и того, что тот выпил, было вполне достаточно. Миша к концу ужина уже практически спал, машинально дожёвывая картошку.

Проснулся он уже на следующий день на печи. В избе слышались голоса. Миша осторожно выглянул. Старуха и Родимов сидели за столом. Пили чай.

– Я пошлю сегодня Терентия. А пока поживёте здесь. Высовываться вам опасно. – Говорила старуха. – Лихие времена настали. Как при Пугачёве. Тогда тоже головы летели все без разбора.

– Ты что, всё это видела? – Родимов даже чай пить перестал.

Старуха засмеялась:

– Бог с тобой, касатик. Бабка моя видела.

– Так он только богатых казнил. Вы-то тут при чём?

– Всем перепало. Богатых Пугач бил, а следом царь бедных вешал. За пособничество. Что бы другим неповадно было. Сколько виселиц по реке плыло, да голов на плахах лежало и не перечсть. Вот так, милок. Теперь хуже будет. Царя нет. Порядок навести будет некому. Польётся кровушка. Заплачут вдовы да сироты. Сатана к власти придёт.

– Это ты верно сказала, Авдотья Петровна. В самую точку. Именно сатана.

Шесть дней прожили беглецы в старухиной избушке. Кто она такая и почему живёт в глухом лесу, Миша так и не узнал. Старуха молчала, а Родимов на все вопросы отвечал однозначно:

– Не нашего ума это дело.

На седьмой день из лесу пришёл мужик. Терентий. По виду обыкновенный охотник. С ружьём и сумкой через плечо. Пришёл и не перекрестясь сел за стол. Старуха вмиг собрала выпивку и закуску. Терентий отодвинул тонкую рюмку в сторону, достал стакан и вылил туда треть бутылки. Пил он тяжело и страшно. Словно кипящую смолу заглатывал. Острый небритый кадык ходил туда, сюда как поршень. Закусывал долго. Жевал со вкусом солёные огурцы. По бороде тёк рассол и капал на застиранную добела рубашку. Миша с Родимовым всё это время сидели рядом и ждали его рассказа. Наконец, насытившись, Терентий отодвинул миску с недоеденной кашей и заговорил:

– Банда Дёмки Демидова усадьбу сожгла. Кроме вас никто не уцелел.

Он посмотрел на Родимова и добавил:

– Тебя искать будут. Барчука тоже. Вы шестерых его людишек положили. Уходить вам надо. Про эту заимку многие знают, а Дёмка такое дело просто так не оставит. Он мстительный. Да и уважать его после такой осечки не будут.

– Что за банда такая? – спросил Родимов.

– Каторжане, – ответил Терентий. – Они ещё при царе озоровали, а как власти не стало, так в открытую пошли. Говорят, что теперь их время настало. Народу у них прибывает что опят по осени. До железки дорогу знаете?

– Знаю, – ответил Родимов.

Миша больше не слушал. Он просто больше уже ничего не слышал. Весть о том, что родители погибли, что сестрёнки Зиновьи больше нет, оглушила его. Одна лишь мысль неотступно билась в его голове:

– Один. Совсем один...

Он даже не слышал, как ушёл Терентий, как старуха собирала их в дорогу, что-то причитая себе под нос. Очнулся он только тогда, когда Родимов встряхнул его за плечи.

– Что? – спросил Миша, растерянно шаря по избе глазами.

– Вставай, Миша, – сказал Родимов. – Идти пора.

– Да, да. Пора...

Миша встал и вышел вслед за Родимовым. Старуха проводила их до крыльца, перекрестила их силуэты, мелькнувшие среди чащи и, что-то по привычке бормоча себе под нос, ушла в избу.

Небольшая станция посреди глухой тайги встретила беглецов тревожными гудками паровозов, да невероятным шумом сотен людей, чудом уместившихся на этом крохотном пятчке. Среди пассажиров было много военных. Это угадывалось больше по выправке и оружию, нежели по форме. Одетых в военную форму было крайне мало. Остальная часть народа ничем примечательным от обычных каждодневных пассажиров не выделялась. Разве что количеством. Такого потока здесь не видели никогда.

– Это что, бандиты? – кивая на вооружённых людей, спросил Миша.

– Красные, – коротко ответил Родимов.

– А почему они не в форме?

– Чёрт их знает. Извините, – Родимов остановил дамочку, тащащую непостижимо тяжёлый чемодан. – Вы не скажите, билеты уже продают?

Дамочка, вся красная и мокрая от натуги с грохотом поставила чемодан на землю и с облегчением распрямилась.

– Какие билеты? – неожиданно громко и нервно прокричала она. – Нет здесь никаких билетов. Кто сел, тот и уехал.

С этими словами она снова вцепилась в непомерно тяжёлую ношу и, согнувшись в три погибели, потащила её дальше по перрону.

– Понятно, – задумчиво проговорил Родимов и стал вглядываться вдаль.

Миша приподнялся на носки и тоже уставился в конец пути, но за толпой так ничего и не смог рассмотреть. Там, по всей видимости, намечалось какое-то движение. Туда и устремились все пассажиры. Родимов схватил Мишу за руку и стал пробираться сквозь бегущую толпу. Давка образовалась невероятная. Кто-то кричал, кто-то работал кулаками, пробивая себе путь, а кто-то истошно орал, валяясь под ногами бегущих. Летели чемоданы, баулы и просто мешки. Летели с ног люди. Военные поначалу пытались навести порядок, даже постреляли в воздух для острастки, но, видя всю бесполезность своих действий, благоразумно отошли в сторону. Навстречу обезумевшей толпе медленно и лениво двигался паровоз, пуская себе под колёса и заодно под ноги бегущих белые облака отработанного пара. Несколько человек уже успели свалиться на рельсы и вылезти с них обратно, когда вагоны наконец-то остановились. Вот тут-

то и начался настоявший штурм поезда. Лезли в двери, лезли в окна. Самые отчаянные из них карабкались на крыши. Родимов, недолго думая, подхватил Мишу и швырнул его в открытое окно. Загнал мальчишку в купе как бильярдный шар в лузу. Следом он кинул баул. Миша больно приземлился на стол купе, в который через двери уже ломились обыватели и, недолго думая, схватив в охапку баул, пулей взлетел на верхнюю полку.

Осада длилась около получаса. Затем паровоз дёрнул состав, тяжело сорвал его с места и спокойно покатил по рельсам прочь от этого одичавшего полустанка, роняя по путям неудачных пассажиров и их потрёпанный скарб. Народ наконец-то расселся по местам, пошумел по инерции ещё немного и успокоился. Все были изрядно помятые. Многие с оторванными карманами и пуговицами, с набухающими синяками на лице, без кепок и шапок, но безгранично довольные, что попали в вагон. Миша сидел на своей полке в обнимку с баулом. Вместе с ним сидело ещё три человека. Двое из них в приличной одежде. По всему видать чиновники. Причём мелкие, а третий, судя по наряду и запаху дёгтя, деревенский мужик. Все трое сидели нахохлившись, словно куры на нашести, только что не кудахтали. Миша уставился на дверь в ожидании поручика, но ждать пришлось долго. От усталости глаза сами собой закрылись, и он заснул.

Проснулся Миша от резкого толчка поезда. Первое, что он увидел, открыв глаза, это яркие отблески на стенах купе.

– Пожар! Горим! – пронеслось у него в голове.

Но народ тихо сидел на местах, и Миша, глядя на них, успокоился. Все в напряжении смотрели в окно. Там, совсем рядом с вагонами горели какие-то постройки, скорее всего склады. Пожар как раз был в самом разгаре. Из чёрного нутра построек огненным смерчем вымахивало белое пламя, поднимаясь острым раскалённым буравом к чёрному небу и при всём этом щедро разбрызгивая по округе красные искры. Возле сараев бестолково бегал полураздетый народ. Но вот появились военные на конях, и народ исчез, словно испарился. Миша пригляделся. Форма конников была явно военного образца, но не совсем та, к которой он привык. На головах у них были какие-то остроконечные шапки с большими красными звёздами. У многих вместо шинели блестели кожанки.

– Красные, – проговорил сидевший рядом мужик. – Не иначе Сомовские склады горят. Сколько добра пропадает, господи помилуй.

– Ему теперь всё одно. Пропадают оне или нет, – проговорил пассажир снизу. – Их ещё в прошлом месяце всех в расход пустили. Теперя оне на том свете на таких же кострищах жарятся.

– Похоже, что приехали мы, – глядя в окно, подвёл итог разговорам один из чиновников.

Возле поезда появились пассажиры. В купе притихли, но вскоре дверь резко открылась и на пороге замер человек в кожанке и такой же кепке. Через плечо у него были перекинuty ремни, на одном из которых болталась деревянная кобура. В руке он держал здоровенный маузер. Человек быстро оглядел население купе и властно крикнул:

– Попрошу покинуть помещение! Поезд дальше не пойдёт!

Никто из пассажиров даже не пошевелился. Человек хотел что-то ещё добавить, даже рот открыл, как сосед Миши громко поинтересовался:

– Это по каким таким причинам нам выходить прикажите? У меня, к примеру, дела в городе!

Человек удивлённо поднял глаза, обозрел любопытствующего мужика и вместо того, чтобы накричать и силой вытурить бестолковых пассажиров, неожиданно рассмеялся:

– Молодец, не испугался. Уважаю, – затем серьёзно разъяснил. – Впереди мост. Не далее, как час назад его белобандиты взорвали. Так что, пути больше нет.

Он опустил маузер и, повернувшись, скрылся в коридоре. Миша последним слез с полки и вышел из купе. В вагоне уже никого не было. Только по полу в великом множестве валя-

лись бумажки и всякий непотребный мусор. Выйдя из вагона, Миша огляделся. Поезд стоял у небольшого завода, во дворе которого догорали сараи. Вдалеке угадывались огни посёлка. Не зная, что делать дальше, Миша двинулся вдоль вагонов, обходя сидящих и стоящих пассажиров. Он уже почти дошёл до паровоза, как наконец-то увидел поручика. Родимов стоял в окружении троих военных и спокойно наблюдал, как один из них изучал его документы, то так, то эдак поворачивая их к огню пожарища. Миша подошёл ближе.

– Кем, кем вы были? – спросил читающий.

– Учителем детей у князя Таркова, – пояснил поручик.

– Дворянин?

– Дворянин.

– Где служили?

– Поручик лейб-гвардейского Санкт-Петербургского полка.

– Занимательно, – военный оторвался от документа и тут увидел подошедшего Мишу.

– Это ваш подопечный?

Родимов только сейчас заметил Мишу и замешкался. Но военный уже не смотрел на поручика. Он смотрел на Мишу.

– Это твой учитель? – спросил военный.

Миша молча кивнул. Тот поджал губы и тоже кивнул, затем повернулся к своим.

– Проведите обоих ко мне. Я скоро буду.

Он подошёл к стоявшему неподалёку коню и, схватив поводья, вскочил в седло. Конь всхрапнул, занервничал и закружился на месте. Прежде, чем ускакать, военный крикнул:

– И накормите их. Обязательно.

Затем скрылся в темноте. Двое оставшихся недоумённо переглянулись и, ещё раз оглядев поручика с его подопечным, повели их в сторону завода. Миша передал баул учителю и поплёлся рядом с ним. Вокруг поезда толпились пассажиры и уже не бегали и не сустились, а молча стояли и покорно ждали своей участи. Вскоре показались сломанные ворота завода. Во дворе повсюду стояли рассёдланные кони, у крыльца конторы курили человек пять красноармейцев в шинелях и остроконечных шапках.

– Никак беляка поймали? – спросил один из них, с интересом разглядывая поручика.

– Чёрт его знает. Беляк он или нет? – со злостью ответил один из конвоиров. – Таиров чудит чего-то. Велел к себе отвести, да ещё накормить.

– Как вы сказали? – остановился поручик. – Таиров? Демид?

– Да, – удивился конвоир. – Ты что же, его знакомец?

– Да так... Знал когда-то.

В конторе завода их провели в отдельный кабинет и оставили одних. Миша осмотрелся. По стенам стояли стеллажи с книгами и папками. Посреди комнаты возвышался двухтумбовый стол, обставленный массивными кожаными креслами.

– Не иначе хозяина кабинет, – сделал заключение Родимов. – Сомова.

– Кто это? – спросил Миша, устало опускаясь в одно из кресел.

– Заводчик. Богатейший человек был, – ответил Родимов. – Был... Все мы похоже были когда-то.

Родимов уселся в соседнее кресло и устало закрыл глаза. Говорить было не о чем. Не прошло и часа, как дверь в кабинет открылась, и вошёл тот самый военный, который их проверял. Он прошёл к столу, прихватив по пути стул, поставил его напротив Родимого и сел. Тот открыл глаза и посмотрел на вошедшего.

– Господин штабс-капитан Таиров, если не ошибаюсь? – спросил Родимов.

– Узнал. А я думал, что так и не вспомнишь, – ответил Таиров. – Только, поручик, с тех пор много воды утекло. Ты тогда не верил в наши мечты, а напрасно.

– Не верил, – согласился поручик. – И сейчас не верю. Не о таком мы мечтали. Совсем не о таком.

– Это ты идеализировал, а мы смотрели на вещи трезво. Нельзя переделать мир без крови. И без ошибок тоже нельзя. Ты, Петя игрок. А это не игра, это жизнь. Тебе тогда удалось убежать, а я три года на каторге баланду хлебал. Там многие из наших её хлебали. Кто-то не выдержал, сломался, а те, кто выстоял, теперь за новый мир борется.

– Ты, я смотрю, командир?

– Полком командую.

Миша сидел в стороне и слушал этих чужих ему людей. Он часто слушал разговоры отца о революции, гражданской войне, но слушал это как невероятные истории, происходящие где-то далеко и их совсем не касающиеся. Отец увёз семью из Питера ещё до переворота, и волна перемен только сейчас дошла до их далёкого и глухого места.

– Сейчас, сынок, ещё не самое страшное время, – говорил он. – Внутри страны мы как-нибудь разберёмся. Не без крови, конечно, но разберёмся. Самое страшное, когда интервенты пытаются нас поработить. Здесь уже речь идёт о целостности и существовании самого государства Российского. Запомни это, Миша. Не мужик с вилами страшен, а иноземец.

– Так вот они какие, красные, – думал он. – Совсем не такие, как папа рассказывал.

Он представлял их разбойниками с огромными ружьями и страшными рожами, как все злодеи в книжках нарисованы. Разгром усадьбы и смерть родителей ввели его в какой-то ступор. Всё это время он почти ничего не боялся. Тупо и бездумно слушался поручика, не понимая, что вокруг него происходит. Жил как во сне, в ожидании утра. Когда встанет солнце, и он наконец-то проснётся у себя в спальне, встанет с кровати и выбежит в гостиную, где за большим столом уже собралась вся его семья. И не будет больше никаких банд, пожаров, побега и крови. Но сон, похоже, затянулся и становился всё больше и больше явью. Только сейчас Миша стал понимать, что никакого пробуждения уже не будет и что ждёт его впереди такое, что и представить страшно. Он даже не почувствовал, как по лицу его уже давно текли слёзы, а взрослые молчали и смотрели на него.

Таиров тяжело вздохнул и повернулся к поручику:

– Уложи парня в соседней комнате. Там кровать есть. Видишь, не в себе он.

Миша безвольно слез со стула и отправился за Родимовым, ничего не видя перед собой. Так же он разделся и лёг в холодную постель. За окном шумели люди, ржали и били копытами неугомонные кони, но Миша ничего этого не слышал, он лежал с открытыми глазами и мысли бродили в его юной, не окрепшей голове, путая прошлое и настоящее, не давая сосредоточиться и что-то, наконец, понять. Понять то, от чего будет зависеть вся его дальнейшая жизнь. Уснул он только под утро и проспал почти до обеда. Солнце вовсю светило в окно, отражаясь в большом настенном зеркале. Миша огляделся. В комнате никого не было. Соседняя постель, на которой спал поручик, была аккуратно застелена. Миша встал, оделся и снова сел на кровать.

– Куда я теперь пойду? – подумал он.

Вчерашняя встряска и события последних дней вынесли из его головы все детские мыслишки, и он с удивлением понял, что думает уже совсем по-другому. Первое, что он понял, это то, что нужно отсюда выбираться. И как можно быстрее. Вопрос как. Ни денег, ни поезда не было. Мост разбомбили. До дома ещё далеко. Второе, это нужно найти брата. Больше у него сейчас никого не было. Но где и как? Непонятно. И, наконец, третье. За смерть нужно отомстить.

– Как они со мной, так и я с ними, – без конца крутилась в голове одна и та же мысль, определившая его дальнейшую цель в ещё толком и не начавшейся жизни.

– Проснулся? – в двери стоял поручик.

Миша даже не слышал, как он зашёл.

– Надо сосредоточиться, взять себя в руки. Так и убить могут. Кто отомстит тогда за Зиночку? – само собой подумалось Мише, и он сам удивился тому, что пришло ему в голову.

Миша кивнул в ответ. Родимов что-то хотел сказать, но, взглянув на воспитанника, остановился. Он заметил ту перемену, что произошла с мальчиком за эту ночь. Заметил и заговорил с ним как с взрослым.

– Ты слышал наш разговор. Если что непонятно, спрашивай, – сказал он.

– Мы поедem дальше? – спросил Миша. – Мне нужно попасть домой.

– Нет, пока не поедem. Во-первых, это опасно, а во-вторых, не на чем. Сам видел, что твориться вокруг.

– А что твориться? Поясни.

– Впереди леса. До самой Москвы железнодорожная ветка полностью парализована. Другого транспорта нет. Мы на территории Красной армии. Вокруг нас войска адмирала Колчака. Бои идут каждый день. Нужно переждать.

– Ты боишься адмирала? Но ты же русский офицер. Дворянин. Ты что, красный?

– Понимаешь, Миша. Как бы тебе это объяснить. Дело вовсе не в том, дворянин я или нет. В этой армии тоже немало дворян и сражаются они вовсе не против нас, а за справедливость, за мирную, счастливую жизнь...

– И за эту жизнь они убили моих родителей?! А чем Зина им помешала? – Миша обомлел так, что у него затряслись губы и сжались до белых костяшек кулаки.

Родимов задумался. Перед ним стоял ребёнок, но ребёнок, начинающий думать и делать выводы. В такой кутерьме и взрослым-то не просто разобраться, ещё сложнее объяснить.

– На усадьбу напали бандиты. Это не красные и не белые. Это просто бандиты. Уродливое порождение всех войн. Я не прошу тебя сейчас понять, это трудно. Ты просто доверься мне. А я сделаю всё, чтобы ты добрался до дома.

Пообещав доставить Мишу домой, Родимов понимал, что обманывает его. Никакого дома не было, и быть не могло. Да и не собирался он вовсе возвращаться. Но ничего другого придумать для Миши пока не смог. Решил, что время все расставит по своим местам. Миша в свою очередь пока промолчал, но было видно, что в слова поручика он не поверил.

Солнце клонилось к закату. Дневной зной заметно поутих, и уже веяло прохладой со стороны реки. Наступал вечер. Миша стоял у открытого окна и смотрел на дымящиеся вдалеке руины складов. Оттуда смрадно наносило гарью. Во дворе всё так же стояли кони и шумели люди. Красноармейцы. Миша сейчас ненавидел их. Ненавидел всё, что они делали. Мысль, что во всём виноваты именно они, не покидала его, и никакие доводы Родимова не могли переубедить Мишу. Остаться с ними он вовсе не собирался. Так он решил. Так прошло два дня.

– Миша! Вставай!

Со двора слышались беспорядочные крики людей и топот копыт. Родимов лихорадочно закинул в баул разложенные вещи, с тревогой оглядываясь на окна. В заключении он достал револьвер, проверил патроны и засунул его за пояс. Миша без слов оделся, и они выскочили во двор. Перед ними на нервно танцующем жеребце сидел Таиров.

– Ты с нами? – коротко спросил он.

Родимов кивнул головой.

– Звягинцев! – крикнул Таиров.

К командиру, ведя в поводу коня, подошёл немолодой уже кавалерист в непомерно длинной шинели и всё той же странной шапке. Из-под шапки были видны бинты. Одна рука лежала на перевязи.

– Передай коня товарищу, – приказал Таиров.

– А я? Как же я без коня? Не отдам, – неожиданно твёрдо заявил солдат и загородил собой коня.

– Посидишь пока в обозе, – словно не услышав слова солдата, жёстко продолжил Звягинцев. – Присмотришь заодно за мальчонкой. Головой за него отвечаешь. Выполнять!

Звягинцев посмотрел на Родимова как на врага и передал ему поводья. Тот без слов принял их и лихо вскочил в седло. Конь, почуяв незнакомого седока тут же занервничал.

– Ну, ну, успокойся, – Родимов подобрал поводья и похлопал коня по шее. – Миша, ты жди меня. Я скоро.

Через минуту двор опустел. Осталось лишь несколько солдат, да с десятков повозок, среди которых была полевая кухня. Звягинцев с досады плюнул на землю и негромко выругался. Потом без всякого интереса оглядел Мишу и спросил:

– Ты вообще, как здесь очутился?

– С поезда, – Миша вовсе не собирался разговаривать с этим неприятным солдатом и демонстративно отвернулся.

– Ты чего хлопчика баснями кормишь, – услышал Миша приятный женский голос и обернулся.

К ним подходила миловидная молодая женщина в военной гимнастёрке и лёгком красном платочке. Из-под платочка игриво выбивались чёрные завитушки волос. Женщина подошла к Мише и положила ему руку на плечо.

– Идём со мной, я накормлю тебя. А на этого пентюха внимания не обращай. Идём, не бойся. Меня Марусей зовут.

– А я и не боюсь, – как можно небрежней проговорил Миша.

Маруся весело рассмеялась и повела Мишу к кухне. Там она проворно заправила котелок кашей, отрезала хлеба и протянула всё это Мише.

– Ты поешь пока. Наши не скоро ещё объявятся, а так и время быстрее пройдёт и сытнее. Кушай.

Маруся занялась кухней, а Миша пристроился на поленнице дров и стал понемногу освобождать котелок, временами посматривая на бойкую кухарку. А та тем временем чистила картошку и напевала себе под нос какую-то одну и ту же песенку.

– Ты знакомый командира? – неожиданно оборвав свой напев, спросила Маруся.

Миша от неожиданности чуть не подавился кашей. Он прокашлялся и, смахнув слёзы с лица, неохотно ответил:

– Нет.

– А этот, твой друг?

– Они служили вместе.

– Давно?

– На войне, – ответил Миша, подумал и добавил. – На настоящей войне. С немцами.

– Понятно, – тихо проговорила Маруся и задумалась. – Значит, офицеры оба. Дворяне.

А ты тоже дворянин?

– Я князь, – твёрдо ответил Миша.

Маруся утвердительно кивнула головой и снова запела, продолжая чистить картошку. Потом заговорила, словно сама с собой.

– Я вот я не дворянка. И не княжна. Простая кухарка. В ресторане работала. Ох и нагладелась я на таких дворян. Деньгами кидались как фантиками. А мы копейки считали. Воевать пошла не раздумывая. Уж лучше погибнуть, чем такая жизнь. Тебе, впрочем, не понять.

– Это почему? – доев кашу, спросил Миша.

Спросил не из любопытства, а что бы просто поддержать разговор. Несмотря ни на что Маруся ему понравилась. Она успокаивала. С ней было просто и как-то по-особенному тепло. Маруся с интересом посмотрела на Мишу.

– Почему? Нужды ты не знаешь. Вот почему. Ты не обижайся, но все просто. Я где-то слышала, что бедный богатого не поймёт. Коротко и ясно.

Маруся неожиданно замолкла и прислушалась. Со стороны станции раздались винтовочные выстрелы. Сначала редкие, потом как-то сразу затрещали пулемёты, и поднялся шум боя. Миша в испуге огляделся.

– Даже револьвера нет, – с досадой подумал он. – Вот скотина поручик. Мог бы оставить оружие.

Маруся кинулась куда-то в обозные телеги и вернулась, держа в руках винтовку. Оставшиеся обозники тоже зашегутились, щёлкая затворами и собираясь у ворот завода.

– Ты шёл бы от греха в контору. Не ровен час, ухлопают, – сказала Маруся и присела за телегу.

Миша не стал возражать. Он быстро поднялся на второй этаж и пошарил в кабинете директора. Ничего похожего на оружие не было. Тогда он подошёл к окну и стал следить за дорогой к заводу. Ждать пришлось недолго. Вначале появился одиночный всадник, скачущий к воротам, а потом за ним пристроились ещё с десятков верховых. Ворвавшись на всём скаку во двор завода, они быстро спешили и закрыли ворота.

– Занимай оборону!!! – крикнул один из них. – Белые прорвались! Полк покروшили! Сейчас здесь будут!

Телеги, стоящие во дворе, поставили поперёк дороги и залегли за ними. Миша, как ни всматривался в бойцов, но так и не увидел среди них ни Родимова, ни Таирова. Он по-прежнему не отходил от окна. Вот на дороге снова появились всадники. На этот раз их было несравнимо больше прежних. Они скакали к заводу. Увидев закрытые ворота, конные спешили и стали стрелять сквозь редкие стальные прутья. Красные ответили дружными залпами. Тогда в сторону телег полетели гранаты. Бой закончился быстро. Высадив ворота, во двор ворвались военные с погонями на плечах. Перестрелка закончилась. Телеги догорали, а возле них лежали последние бойцы Таировского полка. По лестнице и в коридоре слышались торопливые тяжёлые шаги. Дверь в кабинет распахнулась. Миша повернулся и увидел входящих офицеров с револьверами в руках. Увидев стоящего у окна мальчика, они остановились, но револьверы не опустили. Миша спокойно посмотрел на направленное на него оружие и, удивляясь сам себе, даже не испугался, а наоборот, успокоился.

– Кто таков? – быстро спросил офицер с погонями капитана.

– Князь Тарков, господин капитан, – не без гордости ответил Миша.

Капитан ещё раз внимательно глянул на Мишу и опустил револьвер. Второй офицер, прапорщик, тоже успокоился.

– Князь, – капитан подвинул стул поближе к столу и сел. – Присаживайтесь, князь. Капитан Подольцев Денис Романович. Прапорщик Воропаев.

– Михаил Тарков. Миша, – представился Миша и сел в кресло.

– У вас есть брат?

– Пётр Иванович, подполковник.

– Он сейчас где-то на южном фронте. Хотя какие к чёрту сейчас могут быть фронта. Нет уже давно ничего. Так, месиво какое-то и больше ничего. Проклятые красные. Лихо научились рубить. Полусотню потеряли, пока их не повернули. Жаль, ушли. Вы как здесь оказались, молодой человек?

Миша вкратце рассказал свою историю. Капитан всё это время сидел на стуле и дымил папиросой. Прапорщик к тому времени вышел. Выслушав Мишу, капитан потушил окурок и встал.

– Предлагаю отправиться с нами, Миша. Здесь вам делать нечего. Я знавал когда-то вашего брата. Попробую помочь вам, но ничего не обещаю наперёд. А ваш поручик прохвост и более ничего. Советую вам от таких поручиков держаться подальше.

Они вышли во двор. Миша посмотрел в сторону кухни и тут же увидел лежащую возле кучи дров Марусю с винтовкой в руках. Красная косынка слетела с её головы и лежала рядом,

а кудрявые, рассыпавшиеся по плечам волосы, перебирал лёгкий летний ветерок. У Миши невольно сжалось сердце. Он остановился, вспомнил как она пела песню, весело смеялась и кормила его кашей. Её застывшие глаза смотрели куда-то вдаль, словно искали там ту самую жизнь, о которой мечтала.

– Неплохо. Совсем неплохо. Какая фактура. – Восторженно произнёс капитан. – Жаль, что красная. Вы что, молодой человек? Вы знали её?

Миша, не в силах произнести ни звука, молча кивнул головой.

– Поверьте, Миша. Мне тоже жаль её, но война есть война. Заметьте, в руках у неё не веер, который был бы ей, несомненно, больше к лицу, а винтовка. Оружие. И выбор она сама сделал. Привыкайте. – Жёстко сказал капитан и зашагал в сторону ворот, где его уже ждали сидящие в сёдлах гвардейцы.

Миша последний раз взглянул на Машу и поплёлся следом за офицером. Ехали медленно, изредка перекидываясь ничего не значащими фразами. Миша сидел впереди Подольцева и думал о Маше, о пропавшем поручике и командире Таирове. Встретит ли он их? Живы ли они? Он не думал о них плохо, как о врагах, а думал как о людях, пытавшихся помочь ему. Чужих, но за столь короткое время ставших ему такими родными. Все они из разных сословий, все на разных баррикадах, но все ищущие свою правду. Ту, за которую они готовы были не задумываясь отдать самое дорогое, что есть к человека. Его жизнь. Или то, за что они подняли оружие ценнее жизни? Может быть... Он не заметил, как думая и решая свои задачи задремал. Проснулся от лёгкого прикосновения руки капитана.

– Устали, молодой человек? Сейчас перекусим, чем бог послал и определю я вас в отменные апартаменты. Хоромы. Дерягин! Приготовь, голубчик нам с князем что-нибудь перекусить.

Миша протёр спросонья глаза и огляделся. Они стояли на небольшой площади какого-то городка перед высоким домом в два этажа. Капитан провёл Мишу в столовую, где уже сервировали стол. За столом сидел пожилой полковник в окружении офицеров. Все с любопытством посмотрели на вошедших.

– Прошу познакомиться, господа, – капитан положил руку на плечо Миши. – Князь Тарков. Михаил. Отбили его у красных.

– Тарков? – вскинул глаза полковник. – Знавал я вашего батюшку, молодой человек. Знавал. В приятелях ходили. Ещё в реальном. Жаль Ивана Львовича. Хороший был человек. Меня зовут Артём Петрович. Петровский. Присаживайтесь, Михаил. Я постараюсь помочь вам. Сейчас, голубчик, Петербург в руках красной сволочи. Ужасно, но факт, а факт, как известно, вещь упрямая. Туда вам добираться не зачем. Опасно.

– Я хотел бы, Артём Петрович всё же уехать домой, – садясь на стул, упрямо сказал Миша.

Полковник задумчиво посмотрел на Мишу и кивнул головой.

– Хорошо. Я подумаю.

После ужина Мише отвели комнату, и он остался один.

– Полковник поможет, а там и Петя найдётся. В крайнем случае, у тёти Даши проживу. Она добрая, примет, – практично, как ему казалось, рассудил Миша и лёг спать.

Жизнь в городе почти ничем не отличалась от обычной мирной жизни российской провинции. Всё так же работали магазины, бестолково сновали повсюду люди и бегали лохматые, вечно голодные собаки. Но одно отличие всё же было. Военные. Это единственное, что напоминало о беспокойном времени. Дни в городе шли скучно и поэтому бесконечно долго. Делать было нечего. Миша целыми днями читал книги, найденные им в доме, или бесцельно слонялся по пыльным улицам города. Он терпеливо ждал отправки на родину. Миша каждый день интересовался своим вопросом у полковника, но тот вечно был занят и отвечал односложно.

– Потерпи, Миша, вопрос решается. Потерпи. Осталось совсем немного.

И лишь на четвёртый день рано утром Мишу пригласили в штаб. Полковник сидел за столом и что-то торопливо писал. Напротив него стоял человек, напоминающий одеждой мастерового, но Миша безошибочно определил в нём офицера. Одна рука его была перевязана, а в другой руке он держал обыкновенную суковатую палку. Полковник дописал и посмотрел на Мишу.

– Вот, Миша, познакомьтесь. Леонид Сергеевич Дымов. Мастер с литейного. Он вас до дома и доставит.

Миша промолчал в ответ, недоверчиво посмотрев на незнакомца. Полковник заметил его настороженный взгляд.

– Что-то не так?

– Он офицер, – сказал Миша. – Вряд ли это не заметят красные.

Полковник тоже посмотрел на Дымова и задумался.

– Вы так считаете? – наконец спросил он и сам же ответил. – Пожалуй, вы правы. Но он сейчас нужен там, в Петербурге.

– В Петрограде, – поправил полковника Дымов.

– Что? – не понял полковник.

– В Петрограде, господин полковник, – повторил Дымов. – Петербурга больше нет.

– Да, да. Никак не могу привыкнуть к этому хамскому названию. А вы, прапорщик, отвыкайте от своих привычек. Вы теперь не офицер. Рабочий. И не тянитесь по всякому поводу. Помните. Это будет стоить не только вам жизни, но и провалу всей операции. Вам, Миша тоже нужно будет переодеться и забыть, что вы князь. С сегодняшнего дня вы сын мастера Дымова. Михаил Леонидович.

Глава 3.

Питер.

Опасения Миши в первые дни пути были напрасны. Никто не обращал на них ни малейшего внимания. Все были заняты исключительно своими проблемами. Уехать. Кто куда ехал и от кого, было совершенно непонятно. Это больше напоминало бегство, чем поездки. Тамбуры и купе были сплошь завалены мешками, сумками и чемоданами, на которых и сидели, спали, ели. Разговоры пассажиров сводились всегда к одному. Где красные и где белые. Какие банды в округе и почём нынче хлеб. Так, в суете и толчее, прапорщик и Миша двигались к Петрограду. Несколько раз Миша видел в окно скачущих всадников. Слухи о грабежах поездов неслись впереди самого поезда, парализуя пассажиров ужасами рассказчиков. Тогда в вагоне начиналась самая настоящая паника.

– Банда!!! – орали мужики, разеваая в страхе заросшие сивой бородой рты.

– Грабют!!! – вторили им бабы, уминая под широкие вместительные юбки разноцветные узлы, тюки и мешки, шаря за необъятной пазухой дрожащими руками.

Паровоз дымил так, что чёрный шлейф уходил далеко за состав, и, не успевая развеяться, с тоскою падал на землю. Гудок ревел как сирена, словно им можно было разогнать бандитов. Но тревога каждый раз была напрасной. Пассажиры в очередной раз медленно успокаивались и рассказы о налётах вновь витали по вагонам, обрастая всё новыми и более страшными подробностями. Мужики вынимали бутылки с мутной жидкостью и на радостях пили прямо из горла, закусывая морщенными, плоскими огурцами, проливая рассол на лохматые бороды. В вагоне стоял стойкий запах перегара и мокрых портянок.

На вторую ночь поезд подкатил к забитому народом полустанку и остановился. Прапорщик выглянул в окно. На соседних путях стояли военные составы. Вдоль них ходили перетянутые ремнями солдаты. Миша пригляделся. На фуражках в свете фонарей блестели красные звёзды.

– Красные, – подумал Миша. – Значит скоро Петербург.

Он собирался снова подремать, но тут на перроне началось какое-то движение. Послышались выстрелы. Толпа колыхнулась и лавиной двинулась в сторону станции. Выстрелы усилились. Где-то вдалеке гроыхнула пушка. Из вагонов соседнего поезда как горох посыпались солдаты. На перроне, где только что толпился народ, разорвался снаряд. По вагону забарабанило так, что в ушах зазвенело. Полетели стёкла.

– Ложись! – прапорщик кинулся на пол.

В вагоне началась паника. Кто-то бежал по коридору, продираясь сквозь завалы. Люди толкались, падали, снова бежали. Следующий снаряд попал в вагон соседнего поезда, разнес его в клочья. Начался пожар. Вагоны стали пустеть. Прыгали даже из окон, унося в темноту ночи свои бесценные баулы.

– Бежим! Чего расселся! – проорал прапорщик и, схватив Мишу за руку, стал пробивать дорогу к выходу.

На перроне было пусто. Только воронка дымилась возле вагона. Побежали в город. За спиной тарахтели пулемёты и продолжали рваться снаряды. Вырвавшись в город, прапорщик остановился и осмотрелся.

– Цел? – машинально спросил он Мишу, не выпуская его руки.

– Мне больно, – ответил Миша.

Дымов удивлённо посмотрел на Мишу и выпустил его руку.

– Извини. Надо где-то пересидеть.

Но пересидеть так нигде и не пришлось. Они немного покружили по городу и снова вернулись к вокзалу. Выстрелов уже не было слышно. На путях догорал вагон.

– Вот дьявол! – прорычал Дымов.

Их поезда на путях не было. Исчез, словно его и не было.

– Дураки. Надо было в нём оставаться, – проговорил он. – Хотя, кто знал, что так обернётся.

– Кто такие? Документы, – раздалось сзади.

Миша обернулся и упёрся взглядом в пах коня. Они даже не слышали, как к ним подъехали трое конных. Миша вскинул взгляд. Двое конных были в простых солдатских гимнастёрках со скатками наперевес, а третий в утреннем свете блестел новенькой кожанкой.

– Проезжие, – ответил Дымов, шаря по карманам. – Поезд ушёл, язви его в душу. А документы... Это мы сейчас...

Он, наконец, нашарил нужную бумажку и сунул её тому, что в кожанке.

– В Питер с сынишкой едем. Может, поспособствуете?

Военный развернул документ и, приблизив его почти вплотную к глазам, стал читать. Читал он долго, мучительно шевеля губами.

– Неграмотный, – решил Миша, не сводя глаз с военного. – Только бы Дымов не выдал себя.

– В Питер, говоришь? – прочитав документ, спросил тот. – От кого бежите?

– Так дом пожгли, жену убили, – залепетал Дымов, беспокойно бегая глазами по кожанке.

– К брату решили ехать. Всё поспособней будет. Заводские мы.

– Заводские? – военный свесился с коня, вглядываясь в лицо Дымова, – А ну, Петров, слазь с коня. Обыщи этого заводского. Сдаётся мне, он нам тут сказки рассказывает.

Петров медленно слез с коня. Сразу было видно, что к конному делу он не был привычен. Раскорячился так, словно со стога сена сползал. Только что в руках его не вилы были, а винтовка, а на ногах не лапти, а сапоги. Подошёл к Дымову. Тот безропотно поднял руки. Петров старательно обыскал его.

– Ничего нет, товарищ командир, – доложил он и, не дожидаясь команды, снова вскарабкался на коня.

Дымов опустил руки и неестественно улыбнулся.

– А я что говорил, – сказал он. – Отпустили бы вы нас, товарищ командир. Нам ещё поезд караулить надо.

Командир не успел ответить. По разбитому перрону в их направлении скакал небольшой отряд. Поравнявшись с командиром, отряд остановился.

– Что у тебя, Лаврентьев? – спросил кавалерист, скакавший впереди.

– Не иначе главный командир красных, – решил Миша, с интересом рассматривая конника.

В офицерской форме без погон тот явно был не новичок в военном деле. И на коне сидел как влитой и весь вид его говорил о том, что совсем недавно на его плечах были погоны офицера.

– Проверяем подозрительных пассажиров, товарищ Лановой, – доложил Лаврентьев. – Да мы закончили уже. Ничего не нашли. Мастеровой с сыном в Питер добираются, а поезд ушёл.

Лановой скользнул взглядом по Дымову с Мишей, и хотел было прищипорить коня, но вдруг замер и пристально взгляделся в лицо Дымова.

– Прапорщик, – тихо произнёс он. – Дымов.

Дымов побледнел. Он стоял и молча смотрел на Ланового.

– Ничего не нашли, говоришь? – сквозь зубы спросил Лановой. – Враг, товарищ Лаврентьев не всегда с оружием ходит. Бывает и такое, что он сам по себе уже оружие. Похуже нагана. Арестовать и доставить в комендатуру. Я скоро буду.

Лановой развернул коня и, прищипорив его, поскакал в город. Отряд ринулся за ним. Лаврентьев проводил глазами командира и, повернулся к Дымову.

– Мастеровой? Сейчас разберёмся что ты за мастеровой. Петров! Свяжи-ка ты ему руки, а то, как бы господин прапорщик нам тут комедь не устроил. Мальца тоже прихвати. Глянь, волчонком смотрит. Поди, благородных кровей будет. Ты глаза-то не пяль, не пяль. Видали мы таких...

В помещении вокзала, куда привели Дымова и Мишу, их заперли в маленькую комнату без окон, служившую, по всей видимости, складом для инвентаря. Было темно, как в могиле. Рук не развязали. Миша прислонился к холодной стене и закрыл глаза.

– Ты, Миша молчи, – прошептал Дымов. – С тебя спрос маленький. Говори, что ничего не знаешь. Едешь со мной в Питер. Я помогаю тебе до дома добраться, а сам я сбежал с фронта. Не хочу воевать ни за красных, ни за белых. За это не расстреливают. Хотя... Чёрт их знает, за что теперь расстреливают. И откуда он здесь только взялся, этот капитан. На фронте от него одни проблемы были. И пуля его не взяла.

– Бежать надо, – размышлял тем временем Миша. – От этого прапорщика одни неприятности. Правильно мне папа говорил. Никогда не надо надеяться на первых встречах. Надеяться нужно только на себя.

Он вспомнил усадьбу, родителей, сестрёнку, но той привычной уже тоски не было и в помине. Была пустота. Словно весь мир кругом улетел куда-то далеко-далеко, а он по нелепой случайности остался. Застрял в этой неразберихе, где ему теперь предстояло выживать. Казалось, что он только теперь понял это. Понял и не испугался. Наоборот, голова стала ясно работать и выстраивать планы на ближайшее будущее.

– Допустим, что я сбегу. Это не вопрос. Этим комиссарам сейчас не до меня. Доберусь до дома, но вряд ли там кого застану, да и есть ли он, этот дом. Скорее всего, нет. Ничего. Что-нибудь придумаю.

Миша задремал, когда дверь открылась, и прапорщика вывели, а вскоре пришли и за ним. В кабинете горела керосиновая лампа, подвешенная к потолку, и нещадно чадила. За столом сидел тот самый Лановой, что приказал арестовать их. Больше никого не было, но Миша всё

же пошарил глазами по помещению. Лановой что-то быстро писал, посматривая на Мишу. Он заметил его настороженный взгляд и, дописав, положил перо.

– Дымова вы больше не увидите, – жёстко сказал он. – Так что не ищите его.

– Вы его расстреляете? – спросил Миша.

– Я таких вопросов не решаю. Но если бы мне пришлось принять решение, то расстрелял бы.

– За что?

– Дымов служит в контрразведке. Это мне доподлинно известно. Он убеждённый монархист. Я бы даже сказал фанат. Такие с фронта не бегут. Такие бьются до конца. Я не буду вас пытаться о цели его поездки. Вряд ли вас посвятили в дела. Потому сделаю просто. Отправлю вас домой.

Миша удивлённо посмотрел на Ланового. Ему понравилось, что офицер, хоть и бывший разговаривает с ним как с взрослым. Он всегда злился, когда с ним обращались как с малым ребёнком. Может потому и дружил с Родимовым, что тот вёл себя с Мишей как с равным. Но Родимов был свой, а перед Мишей сидел враг. Его враг. Это они были виновны в гибели семьи, и только они. Он всегда будет ему врагом. Другой позиции Миша себе просто не представлял. Сейчас он как никогда был убеждён в своей правоте.

– Что так? – не удержался Миша. – Я же княжеский сын. А вы воюете с дворянами. И вы просто так отпустите вашего врага?

Лановой даже немного растерялся от такой смелой речи, но потом весело рассмеялся. Смеялся он долго. Потом замолчал и достал из кармана пачку папирос, с удовольствием закурил, пуская струйки дыма в потолок.

– Занятно рассуждаете, молодой человек, – сказал он. – Занятно, но, извините, не совсем верно. Вернее, совсем не верно. Я понимаю, что вы наслышаны о новой власти от ваших друзей всякой чуши. Объясню просто и, надеюсь доступно. Прошу при этом понять меня правильно. Объясню без всяких убеждений, с точки зрения человека нейтрального, находящегося вне политики. Выводы потом сделаете сами. Если, конечно, захотите. Я, сударь тоже дворянин. Да, да. Дворянин. И заметьте, не из бедного рода. И у меня было имение, как и у вашего батюшки, положение в обществе. Я кадровый офицер, капитан. Давал присягу его императорскому величеству. Служил честно. Где же я должен быть сейчас исходя из ваших выводов? Правильно. По ту сторону баррикады, с генералами. Но, как видите, я здесь. А что это значит? Это значит только одно. Ваши выводы неверны. Я вам больше скажу. Наш вождь тоже из дворян. И многие другие, кто решил строить новую жизнь. Дело, Михаил вовсе не в принадлежности к определённом классу, а в идее построения справедливого общества. Общества, где нет никаких классов. Где все равны. Поверьте мне, пройдет время, и вы всё сами поймёте, а сейчас просто наблюдайте и делайте выводы. И не торопитесь. Завтра вас посадят на поезд. А сейчас поспите. Впереди силы вам ещё понадобятся.

Лёжа на жёсткой кровати, Миша долго не мог заснуть. Слова красного командира не развеяли его убеждений, но поселили сомнение. Он вспомнил Марусю. Вспомнил, как она смеялась. Вспомнил её лежащую во дворе завода, взгляд её мёртвых глаз. Она не была Мише врагом, а её убили. Что же всё-таки происходит?

Утром Мишу накормили какой-то непонятной кашей с куском ржавой селедки, больше похожей на подмётку солдатского сапога и такой солёной, что было непонятно, чего в ней больше. Мясa или соли. Миша с отвращением съел свою порцию и тут же об этом пожалел. Ровно через пять минут захотелось пить. Он выпил целую кружку ледяной воды, но жажда отступила лишь на немного.

– Вот дурак, – с досадой подумал Миша. – Теперь весь день буду воду пить. И надо было эту селедку есть. Гадость порядочная, да ещё с таким жутким эффектом.

– Ты Миша? – услышал Миша за спиной голос и резко обернулся.

Перед ним стоял пожилой человек в сером пиджаке и сквозь стёкла пенсне пристально смотрел на него.

– Я, – ответил Миша.

– Идём со мной. Вон там состав стоит. Он отправляется в Питер. Я посажу тебя, а там сам доедешь, не маленький.

Человек, не дожидаясь ответа, быстро зашагал по перрону. Миша едва поспевал за ним. Сегодня перрон был пустой, не считая нескольких солдат, охраняющих вагоны. Да и поездов стояло лишь два. Один сплошь состоящий из товарных вагонов, другой смешанный. Сразу за паровозом шли пассажирские вагоны, затем товарные и в конце состава несколько пустых платформ. Человек пошёл к первому вагону и с ходу забрался в него. Миша следовал за ним, не отставая ни на шаг. Это был первоклассный купейный вагон. В таком он с родителями ездил в усадьбу на лето. Мама всегда брала в дорогу пироги и курицу. Миша терпеть не мог пироги, но в вагоне для него это было лакомство почище конфет. Толи природа так на него действовала, толи настроение, но ел он всегда с удовольствием.

В купе было пусто, и Миша устроился возле окна. Человек сунул ему тугой узелок и молча ушёл. Одиночество продлилось недолго. Вскоре, после ухода сопровождающего, перрон стал наполняться военными и по коридору раздались шаги. Дверь купе открылась.

– Ты будешь Миша? – на Мишу смотрели жёсткие, но добрые глаза высокого военного, одетого, как и все командиры Красной армии, в кожаную куртку.

– Я, – немногословно ответил Миша.

– А меня зовут Митрофан Ильич, – командир кинул на верхнюю полку чемоданчик и присел напротив Миши. – Есть хочешь?

– Сейчас пироги начнёт предлагать или ржавую селёдку, – подумал Миша и ответил. – Спасибо. Я уже завтракал.

– Ну и хорошо. Времени у нас с тобой много. Проголодаешься, скажешь, – Митрофан Ильич откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. – Я подремлю с твоего разрешения немного. Ночка выдалась беспокойная. Ты не возражаешь?

– Нет, – ответил Миша.

В купе больше никто не входил. Поезд дёрнулся, и перрон стал медленно уходить назад. За окном замелькали поля и редкие деревья. Паровоз набирал ход. Миша от нечего делать развязал узелок. Там было немного еды. Варёные яйца, огурцы, хлеб и, конечно, селёдка. При виде этого экзотического для Миши продукта ему страшно захотелось пить, но куда идти он не знал.

– Вряд ли в этом вагоне есть кондуктор, – подумал Миша, облизывая сухие губы. – Потерплю.

Два дня пролетели незаметно. По пути ничего интересного и примечательного не было. Только стук колёс да храп Митрофана Ильича. В купе к ним никто не заходил, командир сам куда-то всё время бегал. Один раз его не было долго. Вернулся он уже под вечер изрядно навеселе. Что-то промышчал нечленораздельное и тут же свалился на диван. Миша в одиночку поужинал остатками провизии и тоже лёг спать. Наутро они уже были в городе.

– Ты сам дорогу домой найдёшь или тебя проводить? – спросил командир, выйдя из поезда и продирая опухшие глаза.

– Спасибо, я сам доберусь, – коротко ответил Миша и поморщился.

От Митрофана Ильича исходил стойкий дух перегара и в дальнейшей помощи не проспавшегося командира Миша не нуждался. Тот кивнул головой, и они разошлись в разные стороны. Миша пешком отправился по направлению к дому. Он вышел на площадь перед вокзалом и встал. Все перипетии, произошедшие с ним за последние дни, не оказали на него такого впечатления как то, что он увидел в родном городе. Он ехал с надеждой вернуться домой, в привычный для него мир. Мише казалось, что стоит ему только добраться до города, как всё

тут же встанет на свои места. Мысль, что это только его фантазии не давала ему покоя, но он упорно отгонял её. Он боялся даже думать иначе. Он знал, что если это правда, то с ним случится что-то непоправимо страшное, что изменит всю его и без того запутанную жизнь. Но то, что он сейчас увидел, превзошло все его даже самые страшные подозрения.

Перед Мишей лежала захламлённая площадь, по которой бродили какие-то подозрительные люди. Там, где раньше стояли извозчики, валялась перевёрнутая телега, а возле неё куча мусора. Даже воздух был какой-то тяжёлый, давящий на него с невероятной силой. Тусклое солнце сквозь зловонную пелену мрачно освещало некогда гордую и радующую глаз лепнину на зданиях. Миша опустил глаза и побрёл дальше сквозь этот воздух, сквозь своё желание убежать далеко, далеко и спрятаться от всего этого нелепого ужаса. Но бежать было некуда. Теперь, после путешествия через полстраны он знал это очень хорошо. Дальше он шёл, уже не глядя по сторонам и не обращая внимания ни на людей, ни на те перемены, что эти люди внесли в облик родного города за столь короткий срок.

Ворота, всегда закрытые и охраняемые дворником, валялись искорёженные в стороне, словно по ним долго и упорно били молотом. Самим дворником во дворе и не пахло. Зато там стояли кони. Много коней. Все осёдланы. Возле парадного с винтовкой в руке стоял солдат. Миша невольно остановился.

– Часовой, – понял он. – Нет больше дома.

Слёзы горечи и ненависти выступили на глазах Миши и тоненькими струйками потекли по щекам. Миша уже не видел ни часового, ни дома, ни коней, мирно жующих овёс из подвешенных к мордам торб.

– Михаил Тарков.

Миша вздрогнул от неожиданности и поднял глаза. Перед ним стоял невысокий пожилой мужчина в чёрном пиджаке и внимательно смотрел на него. Чисто выбритое лицо, белоснежная манишка и лакированные штиблеты отличали этого человека от всех, с кем сталкивался в последнее время Миша.

– Вы один? Где ваша семья? – Спросил незнакомец.

Миша не в силах ответить на вопрос лишь отрицательно покачал головой.

– Понятно. По моим данным вы должны были быть на Урале. Как вы добрались?

– Лановой помог, – с трудом выдавил из себя Миша.

– Лановой? – переспросил незнакомец. – Кто такой этот Лановой?

– Командир Красной армии.

– Вот как.

Пока Миша разговаривал с незнакомцем, из дома вышли двое военных. Те уже были одеты согласно привычного военного времени. В офицерской форме и с красными звёздами на фуражках. Они подошли поближе.

– Тихон Васильевич, мы вас ждём, – сказал один из них, глядя на Мишу. – А это что за несчастный ребёнок?

– Сын князя Таркова, товарищ Поляков, – пояснил Тихон Васильевич. – Наши товарищи помогли ему добраться до Питера и вот он здесь.

– Сын князя? – удивился товарищ Поляков. – И что прикажите с ним делать?

– Думаю, что его нужно отправить в приют.

– А что, у нас есть приюты?

– Немного, но уже есть. Беспризорность в стране растёт с катастрофической скоростью. Тысячи детей остались сиротами. А ведь это наши дети, наше будущее. Преступность растёт. Вы знаете, Семён Борисович, что детская преступность гораздо опаснее любой другой?

– Почему? – удивился Поляков. – Это же всего на всего дети.

– Вот именно, что дети. Они очень изобретательны и более чем безрассудны, а это есть не что иное, как производная гремучей смеси. Увы, мой друг, это факт. Печальный, но факт.

Все войны неминуемо порождают подобные проблемы. Ещё при Иване Грозном решали их. И при Петре и далее. Строили приюты, воспитывали новых граждан. Вот и нам предстоит те же самое, но масштабы данной проблемы боюсь будут гораздо большими, нежели при царизме.

Поляков внимательно выслушал Тихона Васильевича и задумчиво посмотрел на Мишу.

– Вас можно на минутку? – произнёс Поляков и, не дожидаясь согласия, отошёл в сторону.

– Тихон Васильевич, это не просто беспризорник. Вернее, он вовсе не беспризорник. Какой детский дом? Он уже и по возрасту не совсем подходит, – дождавшись товарища, зашептал Поляков. – Это сын князя. Вы прекрасно знаете, что его брат, полковник Тарков служит начальником контрразведки на южном фронте. Может это как-то можно использовать в наших интересах?

– Вы предлагаете отправить мальчика в оперативный отдел? – Тихон Васильевич задумался. – Ну что же, может вы и правы. Кедров человек умный, дело своё знает. Вот что, Семён Борисович, я завтра еду в Москву. Заодно захвачу Таркова, а там решим, что с ним делать. В одном вы точно правы. Это не беспризорник и в приюте ему делать нечего.

Мишу провели в его дом. Но это было уже совершенно чужое казённое помещение. О прошлом напоминали лишь стены да потолки. Даже люстры не все уцелели, не говоря уже о коврах и мебели. Но детская, куда его поместили, как ни странно, сохранилась в первозданном виде. Видно, до неё руки у новой власти ещё не дошли. Мишу оставили одного и дверь заперли.

– Что они придумали на этот раз? – пнув от отчаяния дверь, подумал Миша. – Не с проста Поляков шушукался с этим предателем.

У Миши все, кто раньше принадлежал к высшему классу, а теперь служили у большевиков были не иначе как предатели. По-другому он не мог их воспринимать, да и не хотел. Очувтившись в своей комнате, Миша тут же переоделся в свою одежду, скинув с себя эти ненавистные обноски, напаянные на него Лановым. Умыться, к сожалению, было негде, не говоря уже о том, что Миша просто мечтал принять ванную. Он уже не помнил, когда и мылся последний раз. Переодевшись, Миша присел на кровать и задумался.

– Остался я один. Брат далеко, да и увижу ли я его, неизвестно, – тут его осенила мысль. – Тайник! Про него никто кроме папы не знал. Но как его взять? Меня явно будут обыскивать, а там одного золота целый саквояж. Да и не унести мне его. Перепрятать!

Миша сидел и усиленно соображал, как ему действовать. Решение пришло само по себе. Он вспомнил, что теперь их дом является казённым учреждением.

– Найти красные его не смогут. Пусть пока сами охраняют его. Лучшего сторожа и найти трудно. Потом заберу. Сейчас бы выжить, а там...

Что там, Миша представлял себе как в тумане. Вернётся старая жизнь или нет, большой вопрос, а какая она будет новая, непонятно. Так он и просидел целый день под замком. Только два раза открывалась дверь. Приносили еду. На этот раз обошлось без ненавистной селёдки, но и разносолов не было. Каша, кусочек хлеба и чай. Миша уже не плакал. Он думал и решал совсем не по-детски. Понимал это и сам удивлялся себе. Удивлялся и радовался, что не раскис и не поддался эмоциям. Строгое воспитание родителей, бесшабашное поведение учителя сделали своё дело.

Наступила ночь. Дом затих. Миша без отрыва смотрел в окно. Оно как раз выходило на парадное, и были видны все передвижения военных. Ещё до того, как стемнело, последний всадник покинул двор. Похоже, что в доме остались только часовые.

– Самая пора проверить тайник, – решил Миша.

Запертая дверь не представляла для него проблемы. Его не раз запирали за провинности, и однажды он просто стащил запасной ключ и спрятал его у себя в шкафчике. Осторожно, на цыпочках, Миша шёл по своему дому. Шаря по стене, он добрался до входа в подвал. К его счастью, дверь была не заперта. Он пробрался в небольшое, заваленное ненужными вещами

помещение и, спотыкаясь на каждом шагу, прокрался к стеллажу. Тайник открывался без ключей. Нужно было лишь нажать на определённое сочетание кирпичей и часть стены, смонтированная на шарнирах, отходила в сторону. Миша нащупал огарок свечи и спички. Отец всегда хранил их здесь. В подвале не было света. В следующую стену был вмонтирован сейф с царскими орлами на передней стенке. Миша достал из ниши ключи и открыл его. Всё было на месте. На верхних полках лежали бумаги и деньги. На нижней стояло два саквояжа. Миша открыл один из них. В тусклом свете огарка блеснуло золото.

На следующий день после завтрака за Мишей пришёл Поляков, а уже через час они с Тихоном Васильевичем катили в Москву. На сей раз вагон был общий, но привычной толкучки не было. Миша всю дорогу молчал. Тихон Васильевич пытался заговорить с ним, но упервшись в гробовое молчание, прекратил свои бесполезные попытки. Так и ехали молча до самой Москвы.

Глава 4.

Шпана босоногая.

В Москве Миша оказался впервые, но беспорядки и суeta Питера и Москвы были примерно одинаковыми. Шагая по Красной площади, Миша без труда узнавал и храм Василия Блаженного, и Сенатскую башню, и Кремль. У него были картинки Москвы, да и мама много про неё рассказывала. В здании, куда они пришли с Тихоном Васильевичем, так же стояли часовые с винтовками, так же суетливо носились военные. В кабинете их ждал человек, лет сорока с небольшой бородкой и зачёсанными набок короткими волосами. Человек молча указал рукой на стулья. Это был первый начальник контрразведки Красной армии Краснов Тихон Васильевич. Он возглавлял Военный контроль.

– Вот Михаил Сергеевич и Миша, – сказал Тихон Васильевич.

Тихон Васильевич с интересом посмотрел своими круглыми, чуть навывкате глазами на князя.

– Скажите, Михаил, вы знаете, где сейчас находится ваш брат? – спросил Краснов.

– Нет, не знаю, – ответил Миша. – А вы знаете?

– Знаю. Он сейчас полковник. Начальник контрразведки армии. Белой армии.

Миша заволновался, но вовремя взял себя в руки и постарался не смотреть в глаза Краснову.

– Как вы понимаете, Миша, для нас он является врагом. Вы хоть и молод, но знаете не понаслышке положение дел в России. Идёт война и как бы я не хотел, все мы подчиняемся её законам. Порою жестоким, но крайне необходимым. Мы временно поселим вас в этом здании. С вами будет находиться наш сотрудник. Это необходимо для вашей же безопасности. Но сначала вы напишите письмо вашему брату. Вы ведь хотите увидеться с ним? – Краснов говорил мягко, даже ласково, но в глазах его Миша прочёл насторожённость.

В последнее время Миша внимательно присматривался к людям и стал замечать, когда они врут. Краснов не врал, но явно что-то скрывал и говорил далеко не всё.

– Зачем им мой брат? Не обо мне же они заботятся, – думал Миша. – Петя у наших. Контрразведка... Им не я, им Петя нужен. А я? Приманка? Нет, заложник. Письмо. Они не отстанут, заставят написать. Наверное, пытать будут. Ну и пусть. Я не предатель, не дождутся. Письмо, письмо...

Миша вспомнил, как однажды они играли в шпионов, и Петя научил его составлять секретные послания. Простейший способ передать сообщение в ничего не значащих строках для посторонних глаз.

– Хорошо. Я напишу письмо, – согласился он.

Краснов улыбнулся и положил перед Мишей чистый лист бумаги, пододвинул чернильный прибор. Миша взял ручку и задумался, затем быстро стал писать. Текст получился длинным, но главное в нём было зашифровано.

Как и говорил Краснов, Мишу поселили на верхнем этаже и приставили к нему молодого человека, скорее всего бывшего рабочего, одетого в простой, но чистый и аккуратный костюм. Звали его Леонид. Он сидел в соседней, смежной комнате и когда покидал её, то вместо него всегда появлялся кто-то другой, но ненадолго. Потом снова дежурил Леонид. Выходить с этажа ему не разрешалось. Первые три дня Миша откровенно скучал, не зная, чем занять себя. Несколько книг, которые принесли Мише, были до жути неинтересны, и он их сразу отложил в сторону. А на четвёртый день ближе к обеду вместо Леонида пост занял человек в солдатской форме. Как только дверь за Лёней закрылась, человек постучался в комнату Миши и сунул в руку бумажку, затем с опаской посмотрел на дверь и шепнул:

– У вас пять минут. Ответа не надо.

Миша развернул маленький листок. На нём мелким, но чётким подчерком Петра было написано письмо. Вначале Миша ничего не понял, но, прочитав заглавные буквы, обрадовался. Брат сообщал, что Миша должен был попроситься на прогулку. Указал дату, время и место прогулки.

– Попрошу вас передать Краснову, что я прошу его разрешить прогулки, – обратился Миша к Леониду. – Не сидеть же мне тут вечно.

К радости Миши, прогулки разрешили в сопровождении всё того же Лёни, но местом прогулок был выбран небольшой сквер и по времени они не совпадали со временем, указанным в письме. Миша мучительно искал выход, но не находил. Этот Лёня всегда был рядом. Ходил за ним как привязанный. Сколько они ещё таких прогулок совершили бы, неизвестно, если бы не случай. Однажды во время такой прогулки им попалась молодая пара. Девушка и парень. Они оказались знакомые Леониду и остановились поболтать. Они-то остановились, а Миша как шёл по тропочке, так и продолжал идти. Кто это такие были, неизвестно и почему вдруг такой бдительный Лёня отвлёкся, Миша так и не узнал. Он просто прошёл с десятков шагов, так же спокойно шагнул в кусты и тут ему просто повезло. Рядом шёл забор с такими прорехами, что лошадь запросто могла пройти сквозь него. Миша вышел на улицу, немного прибавил хода и вскоре оказался на соседней улице. Дальше было проще. Он почти бегом стал плутать по дворам и переулкам, продираясь сквозь кусты и перелезая через заборы, пока не оказался в районе частных домов. Там он остановился, огляделся и, наконец, перевёл дух.

– Убежал, – радостно мелькало у него в голове. – Поймайте теперь меня.

Он отдохнул и дальше побрёл вдоль кривой улочки мимо покосившихся домиков. Шёл до тех пор, пока не вышел на небольшую площадь. Там по всей территории стояли деревянные прилавки и несколько ларьков.

– Рынок, – понял Миша.

Народа было немного, причём больше торговцев, чем покупателей. Да и товар был незамысловатый. Какое-то старьё, платья, обувь, инструменты. В этой стороне и покупателей-то почти не было. Заметное оживление наблюдалось в съестном ряду. Именно оттуда лёгкий ветерок тянул такой запах, что у Миши скулы свело. Пахло свежеевыпеченным хлебом, жареным мясом, горелым маслом и ещё чёрт его знает какими вкусами. Миша, не задумываясь, побрёл в этом привлекательном направлении, хотя в карманах его было абсолютно пусто, не считая пары носовых платков, прихваченных им ещё из дома. Он не спеша прошёлся вдоль прилавков с едой, охраняемых грозными тётками в сальных халатах, и остановился в конце рынка, решив понаблюдать за торговлей. Миша не знал, что не он один был наблюдателем за торговками. За заброшенным ларьком, в котором ещё недавно сидел сапожник и лихо стучал молоточком по каблукам сапог, прятались четверо завсегдатаев этого богом забытого уголка. Объединённые одной целью, они были такими разными, что как вообще они оказались вместе,

было непонятно. Старший не тянул больше, чем лет на пятнадцать. Одет он был более, менее прилично. Даже ботинки на нём присутствовали, правды, размера на два больше, но зато со шнурками. Не беда, что подошва одного из них дрягалась на честном слове и была подвязана верёвкой, зато носа обувки блестели как зеркала. Одет он был в потрёпанный, но всё ещё добротный пиджак и широкие, флотские брюки с клапаном. Второй малец лет так десяти ботинок не имел вовсе, так же, как и пиджака. Штанишки по колена дрягались на потрёпанной помочи, а вместо рубашки на него был напялен обыкновенный мешок с вырезанными дырками для рук и головы. Чёрные ступни чугунного блеска не знали обуви и были сплошь покрыты цыпками. На круглой чумазой рожице задорным голодным блеском светились большие глазёнки, наполовину закрытые буйными черными волосами. Третий паренёк был скорее всего ровесником Миши и одет был как обыкновенный парнишка из рабочей слободки. Обувь, правда, тоже не имел, но по чистоте и аккуратности превосходил всех своих дружков. Четвёртой оказалась вообще девчонка лет восьми в лёгком грязноватом платьице. Длинные русые волосы были заплетены в косичку и перевязаны выдавшем вида красным бантиком.

О чём они там говорили, Миша не слышал, но, только заметил, как вскоре от группы откололись двое. Девчушка и чумазый малец в мешке с прорезанными дырами для рук вместо рубахи. Девчушка прошла вдоль хлебного ряда и встала напротив тётки, торгующей пирогами. Малец завернул за прилавки и исчез из вида. Тётка с подозрением уставилась на ребёнка. Та не стала долго испытывать терпение торговли и запела тоненьким тоскливым голоском песенку, притопывая худенькой босой ножкой по пыльной земле. Торговки как по команде положили свои солидные груди на прилавки, подпёрли толстыми кулаками жирные подбородки и округлили от жалости глаза. Одна из них даже слезу пустила, захлопала в платок длинным кривым носом. Мише со стороны было видно, что творилось в это время под прилавками торговки. Там объявился тот самый малец и стал шустро орудовать. Закончив свою работу, он с трудом взвалил на плечо поклажу и снова исчез. Девочка спокойно допела свою жалобную песню и, галантно раскланявшись, тоже подалась восвояси. Торговки подняли свои груди и только тут заметили пропажу.

– Караул! Ограбили! – заверещала одна из них, – Держи их. Держи эту сопливую бандитку! У, сволота поганая, целый куль пирогов утащили! Держи их! Милиция!!!

Миша не стал досматривать кульминацию сцены и кинулся вслед за малолетней бандой. Те резво чесали берегом реки, лихо плутая сквозь чащобы крапивы и репейника, мелькая чёрными голыми пятками. Трофей тащил уже вожак, бухая старыми ботинками непомерно большого размера. Миша не отставал. Бежали долго, пока впереди не показался железнодорожный мост. Банда нырнула под него и пропала из вида. Миша пошёл поближе и вышел на берег. Никого. Он повертел головой, но даже признака ребят не обнаружил. Судя по следам, они свернули куда-то в сторону, но куда, непонятно. Тогда он замер и прислушался. Сначала было тихо, только вода шумела в реке, но потом он услышал тихий смешок и звонкую затрещину. Шум раздался из ниши, неприметной с берега. Миша не успел ступить и шага, как из этой ниши вылетели пятеро мальчишек и в один момент окружили его. Троих из них он уже видел на рынке. Остальные были одеты примерно так же, как и тот малец, что стащил пироги.

– Ты кто такой? – выступил вперёд главный в больших ботинках. – Следишь?!

– Нет, я сам по себе, – ответил Миша.

– Тогда чего за нами припёрся? На легавых работаешь? – продолжал допрос главарь.

– Врежь ему по кумполу, Фадей. Небось, сразу расколется, – встрял в разговор ещё один паренёк.

– Затырься, Гвоздь, – огрызнулся Фадей, оскалив на паренька острые зубы. – Я жду. И не вздумай баландить, иначе перо в бок, и ты в дамках.

– Есть хочу, – просто сказал Миша, не показывая, что он боится их. – Вот и побежал за вами. Я из контрразведки сбежал. Ищут меня. Поможете спрятаться?

Детвора застыла от такого ответа. Прилично одетый барчук, сбежавший из такого важного отдела, явно вызвал у них если не восхищение, то уважение уж точно. Но главарь был парень не промах. Виду не подал, что удивлён.

– Контрразведка? – переспросил он. – А не треплешься?

– Я не привык трепаться, – нагло ответил Миша. – За свои слова отвечаю.

– Местный?

– Из Питера.

– Лады, – сказал Фадей. – Идём, там разберёмся, что ты за урка такая.

Под мостом была пещера, в которой ютились десять беспризорников. Вход в пещеру зарос крапивой настолько, что его совсем не было видно с берега, так что найти притон было не так-то просто. Пещеру детвора обустроила, по мнению Фадея, с полным шиком. По стенам располагались постели из матрасов, тряпья и старой мебели. Посреди пещеры стоял добротный стол, облепленный разномастными стульями и табуретками. Во главе стола как трон возвышалось деревянное кресло с царскими орлами на спинке. На него и водрузился Фадей. Остальные расселись вокруг.

– Дуня, мечи хавчик. Трескать охота, – распорядился Фадей и повернулся к Мише. – Тебя как кличут?

– Миша, – ответил Миша.

– Миша, Миша, – возведя глаза к потолку, задумчиво пробормотал Фадей. – Несolidно. Будешь, будешь...

Миша понял, что тот придумывает ему кличку.

– Был Миша и буду Мишей. Если не нравится, зови меня князем.

– Кем? – глаза Фадея опустились и воззрились на Мишу. – Кем, кем?

– Князем, – твёрдо сказал Миша и добавил. – Это по существу. Тем более, я на самом деле князь.

Все, кто был в пещере, как один уставились на Мишу. Дуня встала на полпути к столу с торбой в руках и от удивления открыла бледный ротик. Фадей что-то усиленно думал. Так усиленно, что на верхней губе, покрытой мягким юношеским пушком, выступили капельки пота. В конце, концов, он переварил информацию и принял решение.

– Будь по-твоему. Князь, так князь. Тем более, что один дворянчик у нас уже есть.

– Кто такой? – пришла очередь удивляться Мише.

– А вон сидит, Митька, – кивнув на давешнего налётчика в мешке, пояснил Фадей. – Мы с ним вместе из-под Тулы бежали. Евоного папашу краснопёрые к стенке поставили. Он помещик. А мой папаша у них кучером служил. Вот их обоих и завалили. Он сынок помещика, я сын кучера, а винта нарезали вместе. Теперь он у меня в услужении, так как власть переменилась, и все богатеи накрылись медным тазом. Так, Кучер?

– Так, Фадей, так, – пробормотал Митька, безвольно хлопая глазами.

– Он пироги раньше трескал, а мне с ихнего стола объедки доставались. Теперича он мои объедки трескает. Дунька, пирог!

Дунька засуетилась и от чрезмерного усердия чуть не упала с пирогами. Подскочила к Фадею и подала с поклоном ему здоровенный пирог. Фадей степенно взял его двумя пальцами, разломил пополам и обе половины надкусил. Одну половину он положил возле себя, а другую кинул Митьке.

– Трескай шкет. Я сегодня добрый, – медленно, со значением произнёс Фадей. – Тасуй, Дуняша. Угощайся, Князь. Будешь должен.

За столом наступило молчание. Слышалось только чваканье и урчание. Пироги исчезли в один момент. Дуня облизала масляные пальчики и просящими глазами посмотрела на торбу. Фадей тут же заметил её голодный взгляд и гневно свёл брови.

– Ша, Дунька. Вечером доедим. Вот неугомонная. Сколько ни дай, всё сшамкает. Куда только уходит. Шкилет шкилетом, а жрёт за троих.

– Дай её немного. Она же голодная, – вступился за девчущку Миша.

Фадей сердито посмотрел на него, хотел что-то сказать, но передумал. Побарабанил по столу пальцами и неожиданно выдал свой вердикт:

– Лады, Князь. Выиграешь у меня в двадцать одно, дам Дуньке пошамать. Нет, сам объедками питаться будешь. Кукиш, колоду!

Шустрый белобрысый мальчуган быстро метнулся к постели и вытащил из её необъятного нутра новенькую колоду карт. Миша удивился. В такой компании и новые карты.

– Не так-то у них всё просто, – подумал он. – Нужно быть поаккуратнее с этим Фадеем. Попадёшься на ерунде, утопят как котёнка.

Фадей с треском опытного игрока разорвал упаковку и стал мешать колоду. Миша, благодаря поручику, имел достаточный опыт в таких делах и, наблюдая за руками противника, сделал для себя вывод:

– А в картишки-то ты играть не умеешь. Тоже мне, босота кучерская.

Фадей, пока тасовал колоду, тоже что-то про себя сообразил и протянул её Мише.

– Потасуй. Ты первый сдаёшь. Играем три кона. Мечи, Князь.

Миша ухмыльнулся и принял карты. Он кое-как потасовал их, даже два раза уронил карту на стол. Фадей, наблюдая за манипуляциями новенького, снисходительно ухмыльнулся. Глядя на него, вся компания зашумела. Некоторые откровенно засмеялись. Только бедная Дуня чуть не заплакала от огорчения и переживаний. Есть хотелось смерть как. Миша сдал.

– Ещё, – Фадей медленно вытянул карту, посматривая на неё со стороны. – Ещё.

Миша сдал. Фадей принял и снова, закусив губу, потянул карту. Вытянул и, весело взглянув на соперника скомандовал:

– Себе.

Миша небрежно кинул себе две карты и тут же перевернул их. У Фадея округлились глаза и непроизвольно сжались кулаки. На столе лежали три семёрки. Он судорожно сглотнул набежавшую совсем не вовремя слюну и протянул грязную, щедро покрытую цыпками руку с обкусанными ногтями к колоде.

– Теперь я.

Он собрал карты, перемешал их и, что-то пробормотав себе под нос, сдал. Миша взял свою карту и посмотрел. Король. Четыре очка.

– Ещё две, – сказал он.

Фадей заметно занервничал. Поёрзал тощим седалищем по деревянному трону. Солидно откашлялся.

– Мы так не договаривались. Берём по одной.

Валет. Два очка. Итого шесть.

– Ещё.

Десятка. Шестнадцать. Опасная цифра. Можно легко выйти на перебор.

– Ещё, – произнёс Миша, глядя Фадеем прямо в глаза.

Снова король. Двадцать. Больше нельзя.

– Себе.

Фадей сдал себе карту, помусолил её, взял ещё и снова помусолил. Задумался, посмотрел на Мишу, обвёл глазами публику.

– Девки.

Миша перевернул свои карты.

– Двадцать.

Лицо Фадея медленно налилось кровью. Вся солидность жожака вмиг испарилась. Он привстал и наклонился к Мише.

– Жила.

– Сам жила. Ты сдавал, – привстал в свою очередь Миша.

– Играем до пяти, – свирепо заявил Фадей.

– Договор был до трёх. Сам предложил, – заспорил Миша.

– Здесь я вожак. Как сказал, так и будет, – Фадей сел, нахохлился и протянул колоду Мише. – Сдавай!

Миша сел на место и взял карты. Раздал. Фадей принял карту, посмотрел на неё.

– Ещё.

Взял вторую, улыбнулся и положил на стол.

– Себе.

Миша в этот раз посмотрел на свою карту. Туз. Он перевернул его и сверху так же небрежно кинул вторую карту. Туз.

– Отдай еду Дуне, – жёстко сказал Миша.

Фадей опустил глаза, поиграл пальцами по столу.

– Пусть подавится.

Он вскочил с кресла и заходил по пещере. Затем снова сел и достал пачку папирос.

– Будешь? – спросил он Мишу.

Тот отрицательно покачал головой.

– Как хочешь, – Фадей затаился и выпустил к потолку тугую струю дыма. – Где так играть научился?

– Учителя хорошие были, – ответил Миша.

– Научишь?

– Запросто.

– А ты не такой уж и господчик, как кажешься, – сказал Фадей. – Недаром тебя красно-пёрые взяли. Эти понапрасну суетиться не будут.

В дальнем углу, рядом со своим лежаком Фадей разрешил оборудовать постель новенькому. Сделали просто. От каждого лежака вынули по детали, и постель в один миг была готова. Миша лёг и тут же заснул. Спал он до самого утра без снов. Было такое ощущение, словно закрыл глаза, через секунду открыл и вот тебе, пожалуйста – утро, причём в самой своей последней стадии. В пещере кроме Миши и Дуни никого не было, как и вчерашних пирогов. Миша потянулся, вскочил и сел за стол. Дуня сидела, опустив голову, на своей куче тряпья и не шевелилась.

– Куда все ушли так рано? – спросил Миша, протерев глаза.

– Они давно уже ушли. Только-только солнце встало – Прошептала Дуня, не поднимая головы.

Миша посмотрел на неё. Сквозь редкие волосёнки просвечивала розовая кожа головы. Косичка лежала на плече, но вчерашнего бантика в ней уже не было. Мише вдруг стало нестерпимо жалко малышку. Она невольно напомнила ему погибшую сестрёнку, хотя та на Дуню и не была похожа вовсе.

– Ты как здесь оказалась? – спросил Миша.

Дуня на секунду подняла голову, стрельнула по Мише глазёнками и снова устала их себе в подол.

– Не знаю. Меня Фадей нашёл. Он хороший.

– А родители у тебя есть?

– Не знаю. А кто это?

– Ну, папа, мама.

– Нет, – Дуня помолчала немного. – Я тебе пирожок оставила, а Кукиш его сшамал. Он всегда у меня отнимает.

– Не сшамал, а съел, – неожиданно разозлился Миша. – Говори правильно.

– Хорошо. Съел. – Испуганно прошептала девчушка.

– Ты не бойся меня. Я тебе куклу достану. Хочешь куклу?

Дуня подняла голову и с удивлённо посмотрела на Мишу. Даже ротик по привычке открыла.

– Не веришь? Точно достану. Красивую. С бантиком, как у тебя.

– А Кукиш не отнимет?

– Я ему голову отверну, если ещё раз тебя тронет.

Так за разговорами они не заметили, как в пещеру влез Кучер и с ходу бухнулся на свою постель. Бухнулся и замер, тупо уставившись в угол. Миша понаблюдал за ним минут пять, потом спросил:

– Ты чего? Где остальные?

– Ша, сука, – Кучер ещё немного помолчал и добавил. – Легавые Фадея забарабанили. Мы на бале малость пошухарили, а тут собаки свалились. Я смылся, а Фадея на кичу повели. Хана нам.

Дуня подёргала крошечным носиком, похлопала и в итоге горько заплакала. В пещере заметно потемнело. Сквозь лаз туда залезли оставшиеся беспризорники. Все, кроме Фадея. Молча разбрелись по своим углам.

– Шамать нечего, – нарушил тишину из своего угла белобрысый Кукиш. – С голодухи ноги протянем.

– Не протянем, – Миша встал и направился к выходу. – Ждите, к вечеру буду.

Он вылез из пещеры и быстрым шагом направился в сторону рынка.

– Делать нечего, – думал он, обходя метровые кусты крапивы. – Придётся пока с ними посидеть. Вот только где я еду найду? Эх, в Питер бы съездить. Немного денег взять, да разве уедешь. Меня наверняка уже везде ищут, а на вокзале в первую очередь. Думают, что я домой поеду. Где же мне деньги раздобыть?

До самого рынка Миша мучительно соображал, что ему делать, пока не упёрся в заброшенный ларёк. Он огляделся. Рынок так же, как вчера жил своей особой рыночной жизнью и всем этим торгашам было абсолютно наплевать на то, что десяток бездомных детей погибают там, под мостом. Всем наплевать.

– Наплевать, наплевать... – Мишу, словно осенило. – Тогда и мне наплевать как я их спасу. Как они ко мне, так и я к ним.

Он принял решение, собрался с духом и стал внимательно приглядываться к толпе. На первый взгляд ничего особенного не происходило. Всё те же торговки, те же покупатели. Ничего примечательного. Наверное, потому, что он и сам ещё толком не знал, кого ищет, но надежды не терял. Миша подсознательно знал, что чутьё само подскажет, кого он ищет. Он вспомнил поручика, его рассказы об игроках. У него созрел на этот счёт свой план.

– Должны же они здесь быть. Обязательно должны, – рассматривая прохожих, шептал Миша.

Почему здесь должны быть игроки, он и сам пока не понимал. Просто хотел, что бы они были и точка.

– Вот. Должно быть он.

Вдоль ряда с никому не нужным кроме самих продавцов барахлом шёл молодой человек в приличной, чистой одежде. Даже краешек платка торчал из его кармана. Но не одежда парня, шатающегося по грязному рынку рабочего посёлка, насторожила Мишу. а его взгляд. Блуждающий, хитрый и злой. Взгляд человека, явно не признающего никакие законы. Парень шёл немного вразвалочку, но так, что это не бросалось в глаза простому обывателю, но много говорило знатоку уголовного мира о его фигуре и повадках закоренелого урки. Он шёл и разглядывал товар. Прошёл вдоль всего ряда. Остановился. Достал из кармана пачку папирос,

закурил. Закурил с шиком, с особым подчерком, закинув сгоревшую спичку далеко в кусты небрежным щелчком пальца. Миша решительно направился к нему.

– Можно вас на минутку? – обратился он к парню.

Тот вынул изо рта окурок, с ног до головы осмотрел острыми глазами Мишу, пожевал губами и лихо сплюнул на землю.

– Тебе чего, малец? – хрипло спросил он. – Ты ничего не попутал?

Миша был настроен воинственно и не собирался отступать. Он с умыслом огляделся по сторонам и, подойдя поближе к парню, прошептал:

– Сыграть хочу.

Парень улыбнулся. Вернее, улыбнулся только его рот. Глаза оставались при этом злыми.

– В куклы?

– В карты.

Улыбка парня моментально погасла. Глаза его уже выражали откровенное любопытство.

– В карты? – переспросил он. – А с чего ты решил, что я в карты играю?

– Живу давно, – ляпнул Миша первое, что на ум пришло. Как бы он себя не настраивал на боевой лад, по спине бегал холодный озноб.

Парень сначала опешил, а потом рассмеялся. Ему явно понравился этот странный мальчишка. Таких он ещё никогда не встречал. Просмеявшись, он снова серьёзно спросил:

– И во что ты умеешь играть? Надеюсь, не в "дурака"?

– В штос, в двадцать одно, – начал злиться Миша.

Урка постоял ещё немного, подумал, рассматривая окрестности и, двинувшись к выходу, бросил Мише:

– Иди за мной.

Шли долго, пока парень не свернул во двор небольшого домика. Ни двор, ни домик ничем не отличались от остальных домов посёлка, но Миша вдруг испугался.

– Если что, меня уже никто не найдёт, – мелькнуло у Миши в голове.

Внутри дом тоже выглядел обыкновенным жилищем рабочего. Печь в полкухни, стол, табуретки и горка с посудой в углу. Даже иконы были на месте и перед ними голубая лампадка. Настоящая. Только что не горела. Парень сел за стол и кивнул Мише на табуретки, стоящие напротив. Миша сел. Парень вынул из кармана колоду карт.

– Проиграешь, напишу. Банкуй.

– А если выиграю?

– Не обижу.

Миша взял колоду и задержал дыхание.

– Спокойно, всё будет в порядке, – успокаивал он сам себя.

Вспомнил поручика. Тот всегда перед игрой говорил одно и то же:

– Не уверен, не садись. Проиграешь.

Это, как правило, помогало Мише собраться, но сейчас эти слова были для него пустым звуком. Уверенности не было, как он не настраивал себя. И тут он вспомнил глаза Дуни. Вспомнил, сколько в них было смертельной тоски и отчаяния. Вспомнил и разозлился.

– Банкуй, говоришь? – подумал Миша, взглянул парню в глаза и выдержал его взгляд до конца. – Ну, держи тогда.

Он лихо перетасовал колоду и сдал по карте.

– Ещё, – криво усмехнулся парень. – Себе.

Миша, как и в пещере, перевернул свою карту. Десятка. Бросил вторую карту. Десятка.

– Двадцать, – сказал Миша.

Парень внимательно посмотрел на Мишу и, не показывая свои карты, спросил:

– А сколько у меня?

Миша понял, что от его ответа сейчас зависит его судьба, а, может и жизнь.

– Девки, – ответил он.

Парень бросил карты на стол. Десятка и девятка.

– Сдай себе два туза.

Миша собрал карты, перетасовал и выбросил, не глядя два туза. Парень откинулся на спинку стула и достал папиросы. Дым застелился белыми змейками по кухне.

– Тебя как звать? – спросил он.

– Миша. А тебя?

– Юра. Ты ведь не местный? Я тебя здесь раньше не видел.

– Я из Питера. У меня никого нет. Здесь случайно.

– Гастролёр?

– Нет. Просто деньги кончились.

– А сколько тебе лет, Миша? – Юра затушил папиросу и, облокотясь на стол, уставился своими острыми глазами на Мишу.

– А какая разница? Пятнадцать.

– Пятнадцать, – задумчиво проговорил Юра. – А так и не скажешь... Ну, да лады. По мне хоть пять. Придёшь завтра вечером в десять. Дорогу найдёшь?

– Не заблужусь. А деньги?

Миша сам понимал, что наглеет, но остановить ребят без еды не мог.

– А ты дерзкий пацан. Уважаю.

Юра сунул руку в карман, вытащил пачку денег и небрежно, как и подобает настоящему фрэеру, кинул её на стол. Миша взял деньги и молча вышел на улицу. Солнце палило нещадно. Чахлые и пыльные листья на деревьях вяло болтались в такт лёгкому ветерку, не приносящему желанной прохлады. Но Миша на улице почувствовал настоящий холод. Он только сейчас ясно понял, что прошёл по кромке жизни и самое опасное ожидало его впереди.

– Я сумею, – внушал себе Миша. – Иначе не выживу. Кому я вообще нужен? Да никому. Не сдыхать же в этой норе как последней собаке. Боже мой, в кого я превращаюсь? Впрочем, будут деньги, можно и в Питер уехать. Может к тому времени и Петя найдётся, если живой.

Успокаивая сам себя, Миша дошёл до знакомого уже рынка. Торговля была в самом разгаре. Миша направился к вчерашним торговкам.

– Двадцать пирогов, бутылку молока и вон той колбасы, – солидно, как ему казалось, проговорил Миша.

Торговка, вчерашняя обворованная баба, придирчиво осмотрела Мишу и без слов выложила заказанный товар.

– Корзиночку можно? – Миша указал на пустую небольшую корзинку. – И упакуйте, будьте столь любезны, мадам.

Торговка, повидавшая за свою долгую рыночную практику всякого народа, не удивилась уважительному мальчишке и моментально выполнила просьбу этого напыщенного барчука. Она без всякого рентгена могла точно определить платёжеспособность любого клиента. Миша небрежно расплатился с торговкой и, забрав товар, не спеша двинулся вдоль прилавков. Он почти уже вышел с рынка, как на глаза ему в куче барахла попала кукла. Точно такая, какую он себе и представлял, когда обещал подарить игрушку Дуне. Миша, не торгуясь, тут же купил её. Пачка купюр заметно убавилась. Цены в это смутное время менялись по несколько раз в день, причём в сторону увеличения и в итоге достигали немыслимых высот.

Пройдя знакомой и ставшей единственно родной тропой, Миша пришёл в пещеру. Половины ребят не было. Оставшиеся в основном лежали в своих гнёздах. Миша поставил корзину на стол и повернулся к сидящей девочке.

– Дуня, принимай обед. А это тебе. – Он протянул девочке куклу.

Дуня смотрела во все глазёнки на чудо и боялась пошевелиться.

– У Дуньки кавалер нарисовался, – промямлил Кукиш, с трудом прожёвывая кусок пирога.

Только сейчас Миша заметил, что беспризорная ватага уже давно раздербанила его запасы и уминала их за обе щёки. Колбасу рвали на части и ели прямо с кожурой. Бутылка молока ходила по кругу. Миша откровенно рассмеялся.

– Дурак ты Кукиш. Дураком и останешься, – отсмеявшись, сказал Миша.

Тот враз нахохлился и отодвинул в сторону остаток пирога, совсем по-детски шмыгнув носом и вытер его ладонью.

– А ну, братва, держи меня. Щас мазурика резать буду, – в руке Кукиша блеснуло стальное лезвие финки.

Миша как-то безразлично взглянул на нож и, почти не напрягаясь, врезал Кукишу прямо в лоб кулаком. Мальчишка, не ждавший такого оборота событий, опрокинулся вместе с табуретом. Нож отлетел в сторону. Миша ждать не стал, пока тот опомнится. Моментально подхватил нож и приставил его к горлу Кукиша. Кукиш захрипел, боязливо косясь на стальной клинок, пахнущий смертью.

– Слушай внимательно, сраное отребье, – прошипел Миша. – Повторять не буду. Ещё раз дёрнешься, я тебе сам горло перережу. Понял?!

Кукиш быстро закивал головой.

– Добей его, Князь! Добей, суку легавую! – неожиданно заорал Митька Кучер.

Он вскочил и запрыгал вокруг Кучера.

– Пусти ему юшку, Князь, пусти! – заорали остальные.

Миша удивлённо посмотрел на беснующихся беспризорников, а те прыгали возле стола вместе с Митькой и орали. Это было уже похоже на массовое безумство. Миша отпустил Кукиша и поднялся. Вмиг настала тишина. На Мишу смотрели безумные глаза пацанов и ждали от него чего-то. У Миши от непонятной ему самому злости недобрым светом заблестели глаза, а рука сильнее сжала рукоять финки. Чем бы эта вакханалия закончилась неизвестно, если бы из угла не послышался тоненький голосок Дуни:

– Не надо, Миша.

Миша резко повернулся к ней, хотел что-то резкое сказать, но, встретившись с её испуганным взглядом, враз остыл. Он сунул финку себе в карман и сел в кресло. Братва как по команде тут же заняла свои места за столом и преданно уставилась на Мишу. Тот обвёл суровым взглядом малолеток и, стараясь говорить жёстко, объявил:

– Теперь я здесь главный. Кто со мной, тот будет каждый день сыт. Кто против, не держу.

– Продались, суки продажные. Жила власть захапал, шамовкой дармоедов купил, – понимаясь с земляного пола, заговорил Кукиш. – Ну, ничего, ничего. Фадей вернётся, он всех вас попишет, а я помогу. Верни перо, гад.

– Пошёл вон, босяк, – бросил Миша.

– Возьму лявер, всех замочу. Пожалеете ещё, – прошипел Кукиш и выскочил из пещеры.

Снова настала гнетущая тишина. Парнишки сидели уже не так надёжно. Некоторые откровенно боязливо посматривали на выход. Миша понял, что наступил решающий момент. Не умом, кожей почувствовал опасность. Как собака.

– Слушай сюда, граждане, – встал он с кресла. – Ни Кукиш, ни Фадей вас не тронут. Это я вам говорю, Князь.

Глава 5.

Козырь.

В приличной комнате знакомого уже дома в рабочей слободке полным ходом шла игра в штос. За круглым столом, накрытом плотным сукном, сидели четыре игрока. Рядом на диван-

чике отдыхали две разукрашенные смазливые особы неопределённого возраста в чёрных платьях и тихо о чём-то шептались. В руках они держали бокалы с вином и время от времени прикладывались к ним, каждый раз морщась и, как им казалось, томно возводили намалёванные глаза к серому от дыма потолку. Мужчины тоже были одеты прилично. На столе кроме кучи денег, золотых украшений и карт стояли бутылки с водкой и тарелки с закуской. В пепельницах дымили окурки. Игра шла пока тихо, но напряжённо. Сидящий у стены пожилой гражданин уже несколько раз пытался устроить скандал, но его каждый раз останавливали.

– Не рыпайся, Пряхин. Уговор был шума не поднимать. – Уже третий раз говорил ему сидящий напротив плотный мужчина, которого все уважительно называли Козырь. – Делайте вашу ставку или винтите отсель куда подальше. Но помни, я тебя везде достану. Я честный вор, а ты заводскую получку спускаешь, сука. Шумну твоим работягам, они тебя в миг на лоскутки попишут.

Пряхин каждый раз вздрагивал и кидал деньги на стол, но не проходило и пяти минут, как он снова вскакивал.

– Он передёргивает. Шулер.

– Сядь и засохни, – сохранял спокойствие Козырь. – Бабки есть? Мечи.

В очередной раз Пряхин уже не вскочил, а просяще уставился на Козыря.

– В долг. Я отдам.

– Не мельтеши, Пряхин. Завтра тебя собаки на кичу поведут. Нет бабок, свободен.

– Я выиграю. Я чувствую, что выиграю, – не унимался Пряхин. – Ну, пожалуйста, один только кон.

Козырь внимательнейшим образом прощупал глазами бедного бухгалтера местной прядильной фабрики. Задумался, потом посмотрел на человека, сидящего справа от него. Это был тот самый Юра, что встречался с Мишей на рынке. Он за всю игру не сказал ни одного лишнего слова. Вёл себя прилично и блатного жаргона не употреблял. Это он привёл бухгалтера и сейчас сидел, изображая законопослушного гражданина. Юра чуть заметно кивнул головой.

– Добро, Пряхин. Можешь ты уболтать доброго человека, – снисходительно улыбнувшись, согласился Козырь.

– Спасибо, уважаемый, спа...

– Сядь, Пряхин, – жёстко оборвал его Козырь. – Я ставлю весь выигрыш.

Он сгрёб на столе все деньги и драгоценности в одну кучу. У Пряхина загорелись глаза и задрожали руки. Козырь выдержал значительную паузу и коротко объявил:

– Твоя ставка жизнь.

Пряхин замер. Его глаза остановились и в страхе уставились на Козыря. Тот спокойно выдержал взгляд бухгалтера и бросил на стол запечатанную колоду карт. Колода с глухим стуком упала на сукно. Пряхин вздрогнул как от выстрела.

– Я... Как же... А деньги? – пробормотал он, покрываясь испариной.

– Выбирай Пряхин, – продолжил Козырь, закуривая. – Все мы когда-нибудь сдохнем. А твоя поганая и никому не нужная жизнь сейчас и ломаного гроша не стоит. Либо ты выиграешь и вернёшь долг, либо завтра тебя поставят к стенке. Играем один кон в двадцать одно.

Пряхин опустил голову, сел и задумался. Козырь терпеливо ждал.

– Сдавай, – хрипло проговорил Пряхин.

– Нет, ты сам сдашь. Чтобы всё без обману.

Пряхин взял колоду в руки и сорвал обёртку. Перетасовал. Сдал.

– Ещё, – дымя папиросой, бросил Козырь.

– Себе.

Пряхин положил себе карту и посмотрел. Семнадцать. Ни туда, ни сюда. Паршивое число. Рисковое. Пряхин подумал и, взяв из колоды ещё карту, перевернул её. Туз. На секунду

он застыл, тараща глаза на роковое число, затем поднял свой трепещущий взгляд на Юру, прошептал:

– Не может быть...

Все присутствующие без отрыва молча смотрели на бледного бухгалтера. Тишину взорвал громкий смех Козыря. Сверкая золотыми коронками, он весело смеялся. Смеялся долго, пока не закашлялся.

– Bravo, – проговорил он, вытирая выступившие на глазах слёзы. – Давно я такого цирка не видел. Порадовал ты меня, Пряхин. Порадовал.

Пряхин в надежде воззрился на Козыря. Но тот уже не смеялся. В глазах у него стояла жуткая злоба. Злоба и презрение.

– Пшёл проч. Клоун, – прошипел он.

– Вы меня отпускаете? – не веря своим ушам, спросил бухгалтер. – Совсем?

– Пшёл, я сказал. Руки мараť о такую пададь западло.

Пряхин вскочил и бросился к выходу. Козырь значительно глянул на Юру и мотнул головой в сторону убежавшего бухгалтера. Тот встал и вышел. Козырь взял бутылку водки и разлил в стаканы.

– Давай, Чалый, помянем загубленную душу бухгалтера.

Выпили. Козырь пожевал солёный огурец и снова закурил. Чалый долго морщился, пока не закусил горечь огрызком яблока. Взяв со стола пачку папирос, тоже задымил.

– Что за житуха пошла паскудная. Коммуняки всех буржуев перебили. Кого трясти прикажешь порядочному вору? Не этих же горлопанов? А, Козырь?

– Ша, Чалый. Ты в жизни разбираешься как тот Бобик. Сейчас для нас как раз самый фарт пойдёт. Для умного вора.

– Это как? Растолкуй.

– Те, у кого много барахла, сейчас на дно лягут. Бери их запросто. Они в уголовку не побегут. У самих рыло замазано. За цапки их к стенке ставят, а мы нет. Главное найти таких, у кого рыжѐ в достатке. Деньги сейчас мусор, а рыжѐ всегда в цене будет.

Дверь в дом громко хлопнула. Козырь повернулся к входу. Вошёл взлохмаченный Юра и сходу сел на стул, налил себе полный стакан водки и залпом выпил его. Выпил и даже не поморщился, а на закуску воткнул себе меж сухих тонких губ папиросу и закурил.

– Чисто сработал, – сказал он, выпуская тонкую струю дыма в потолок.

Козырь кивнул головой и снова налил в стаканы. Выпили.

– Козырь, дело есть, – потушив окурок, сказал Юра. – Ко мне сегодня на рынке шкет подрулил.

Он рассказал главарю о своей встрече с Мишей. Козырь внимательно выслушал Юру и удивлённо посмотрел на него.

– Такой фартовый или игрок? – спросил Козырь.

– Игрок.

– И что? Выставим на кон? Ты ничего не перепутал, Вьюн?

– На такую лажу и Иван поведѐтся, – уверил Юра. – Но только один раз.

Козырь задумался. Идея Юры, известного как Вьюн в воровском мире, заинтересовала его. Но риск при всѐм раскладе, даже удачном, был огромным. Такой подставы обычно не прощали.

– Завтра он будет здесь, – сказал Вьюн.

Козырь одобрительно покачал головой и оглянулся на девок. Те, как по команде воспряли и заулыбались. Вечер плавно перетекал в стадию любви. Всѐ как у путных воров.

Весь день Миша блуждал по посѐлку. Он несколько раз приближался к дому Юры, обходил его и изучал соседние проулки и канавы, пока не облазил всю округу и не запомнил все ходы и выходы. Жара стояла несусветная. На плавающемся от зноя небе не было ни облачка.

Даже птицы не летали, боясь обжечь себе крылья. Только куры да собаки напоминали ещё о том, что жизнь в посёлке шла своим обычным ходом. Где-то неподалёку тарахтела на последних оборотах фабрика, временами выбрасывая из высоченной кирпичной трубы белый вонючий дым.

Приближался вечер. Юра решил немного отдохнуть в пещере. Он зашёл на рынок, набрал на остатки денег еды и отправился к мосту. В берлоге, как её называли малолетки, кроме Дуни никого не было. Девочка сидела за столом и играла с куклой. Миша улёгся на свою постель и закрыл глаза.

– Миша, ты Кукиша стерегись, – глядя на куклу, проговорила Дуня.

– Чего так? – не открывая глаз, спросил Миша.

– Он форточник у воров. Они заступиться за него могут, – ответила Дуня.

– Что такое форточник?

– Он в форточки лазает. Он маленький, везде пролезет. Потом двери вора открывает.

– Ну и чёрт с ним, справлюсь, как-нибудь.

Дуня тяжело вздохнула и замолчала. Наступил вечер. Шантрапа стала понемногу подтягиваться после дневных походов на свои места. Громко обсуждали дневные приключения, хвастаясь своей удачей друг перед другом. Но на столе от этой удали мало чего прибавилось съестного. Пара селёдок, луковица и горка хлебных корок. Удивил всех на этот раз карапуз лет десяти, прозванный Пузырём. Он притащил почти новый смокинг. Где он его раздобыл, можно было только догадываться, но вещь вызвала бурное восхищение у ребятни.

– Дай, дай померить, – схватил смокинг Кучер и напялил на свои лохмотья обновку. Полы одежды мягко легли на пол.

– Ну, ты, чего вещь поганишь, – заорал Пузырь, сдирая с Кучера смокинг, заодно отшивая ему подзатыльники. – Завтра на рынке толкнём, колбасу трескать будем.

Миша встал, вынул пакет из-за постели и поставил его на стол.

– Ешьте, – коротко сказал он.

Детвора не заставила себя долго упрашивать и дружно накинулась на еду. За целый день блуждания по окрестностям они проголодались так, что готовы были съесть и смокинг Пузыря и самого Пузыря в придачу. Миша с улыбкой посмотрел на жующую публику и вышел. Наступала желанная прохлада. С речки тянул свежий, смердящий чёрте чем ветерок. На горизонте стали обозначаться тяжёлые синие тучки, обещающие ночью полить раскалённую землю долгожданной влагой. Миша заспешил в посёлок.

Дверь ему открыл вчерашний знакомец. Юра. Он по-взрослому протянул ему руку и поздоровался. Прошли в комнату. При свете пары ламп на Мишу уставились несколько любопытных глаз. Миша взял себя в руки и не дрогнул. Он заранее разозлил себя и сейчас почти ничего не боялся.

– Садись, мил человек, коли пришёл, – Козырь подвинул Мише стул, на котором вчера сидел бедный бухгалтер. – Мы слышали, что ты мастер в карты играть?

– Мастер, – не стал спорить Миша, усаживаясь на стул.

– Играть буду не с этими, – решил про себя Миша. – Этих не проведёшь.

– Милый, ты что, с ребёнком играть надумал? – удивлённо спросила одна из девах.

– Заткнись, курица, – резанул Козырь и повернулся к Мише. – Ты не обращай на неё внимания. Она дура. Тебя как кличут?

– Миша, – ответил Миша.

– Держи, Миша, – Козырь подвинул Мише колоду карт.

Миша взял её в руки, развернул веером и поводил подушечками пальцев по рубашке карт. Затем свернул карты и кинул колоду обратно Козырю. Тот удивлённо вскинул брови.

– Что-то не так? – спросил Козырь.

– Карты краплёные, – ответил Миша.

– Молодец, парень, – улыбнулся Козырь.

Он достал новую колоду и протянул её Мише.

– Покажи, на что ты способен.

Миша распечатал колоду и небрежно перетасовал карты, затем быстро раздал каждому сидящему по две карты.

– И что? – беря свои карты в руки, спросил Козырь. – Фишка в чём?

– У вас девятнадцать. Десятка пик и девятка крестей. – Сказал Миша.

Козырь ещё раз взглянул в карты.

– В масть, – сказал он. – Дальше.

Карты остальных Миша определил безошибочно, а в конце аттракциона перевернул свою пару. Два туза. Козырь задумчиво побарабанил пальцами по столу. Он и сам пока точно не знал, что делать с этим феноменом, но мысли его уже всю работу в этом направлении. Такого шанса он упускать не хотел.

– Где обитаешь, Миша? – спросил он, что-то решив про себя.

– Там меня уже нет, – нагло ответил тот.

Козырь усмехнулся.

– Знатный волчонок растёт, – подумал он. – Не завидую тому, кто встретиться ему на пути лет через десять если он доживет конечно.

– Завтра придёшь сюда в это же время. Тебя будет ждать твой друг. – Сказал Козырь.

– Мне нужен наган, – вдруг заявил Миша.

– Что? – переспросил Козырь. – Наган? Зачем. Тебя кто-то пасёт?

– На улице сейчас небезопасно. Хулиганы встречаются.

Козырь нахмурился.

– Малец прав, – поднялся Юра. – Он нам завтра живым нужен.

– Сядь, шавка, – Козырь зло сверкнул глазами. – Здесь я решаю. Может тебе, Миша здесь пересидеть?

– Нет, я должен сделать ещё одно дело, – твёрдо заявил Миша, глядя прямо в глаза главарю.

Козырь немного подумал и вынул наган.

– Держи, Миша. Я тебе верю.

В пещере уже спали, когда Миша вошёл в неё. Добравшись ощупью до своего места, он рухнул на тряпье и тут же заснул. Холодный металл оружия вселил в него уверенность и спокойствие. Теперь он уже ничего и никого не боялся. Ни Кукиша, ни самого Фадея. Впрочем, опасения его были напрасны. Ни тот ни другой в берлогу так и не вернулись.

Глава 6.

Игра.

Вечером на хате воровского авторитета Козыря готовилась серьёзная игра. Ещё с обеда туда подтянулись подручные вора и заняли свои позиции в посёлке на случай облавы. На кону стояло не только золото, награбленное за последний год в Москве и её округе, но и жизнь самих воров, решивших показать друг другу зубы. Им было тесно в столице вдвоём. Остаться должен был только один. Это знали оба вора. Знали и шли на это дело. Против шайки согласился играть вор в законе ещё с царских времён прошлого века некто Боцман. Говаривали, что в начале своих "славных дел" он промышлял контрабандой, будучи боцманом на торговом судне. Оттуда и кличка. На этом деле Боцман погорел, познал Сибирь, каторгу, был и на самой гнусной точке правонарушителей и благополучно забытой богом Камчатке, откуда сумел бежать. Перебравшись в Москву, Боцман сколотил небольшую артель из таких же одиночек и с большим успехом бомбил сейфы состоятельных господ. Козыря он знал ещё по пересылке

и не раз садился с ним за карты. Козырь знал, что Боцман не откажется сыграть с ним, да и на кон тому было что поставить.

Боцман подъехал к хате на извозчике. Один. Расплатился как положено и солидно сошёл на землю посёлка. Боцман был уже в годах. Сам на дело не ходил. От сытой и относительно спокойной жизни он заплыл жиром, огузнул. Ходил с трудом, опираясь на трость с золотым набалдашником в виде человеческого черепа. Боцман незаметно огляделся по сторонам и вошёл в дом. К игре всё было приготовлено. За столом уже сидели трое игроков. Сам Козырь и двое воров помельче со стороны.

– Рад тебя видеть, Боцман, – поднялся навстречу вору Козырь. – Слышал, что на покой собрался. Вот решил предложить тебе сыграть напоследок.

– Не мельтеши, Козырь, – густым басом ответил Боцман. – Слухачи твои порожняк прогнали. Ты сам знаешь, что покой у нас с тобой один – под крестами.

Он нашарил глазами иконы и размашисто перекрестился. Присел на кресло. Под его солидным весом старенькая мебель пошатнулась и жалобно пискнула. В это время в комнату вошёл ещё один с увесистым саквояжем в руке. Козырь взглянул на Боцмана.

– Мой казначей, – представил человека Боцман. – Сдавай. Играем по-воровски.

Игра началась. Задымили сигареты, зазвенели рюмки. Пили умеренно, закусывали дымом. Кучки золота переходили по кругу. Это была только разминка. Ставки делали небольшие. Время перевалило за полночь, когда накал игры стал быстро расти. Казначей Боцмана уже почти опорожнил свой саквояж. Со стороны Козыря тоже подтаскивали рыжьи и камушки. За столом остались двое. Боцман и Козырь. Кучи золота у обоих были примерно одинаковыми. Играли в штосс. Ставки росли. Тот и другой не торопились проиграть весь банк, деля его на части. Боцман заметно стал нервничать. Кучер понял, что пришла пора для риска.

– А что, Боцман, ты всё ещё любишь пощекотать нервишки? – спросил он, наливая себе водки.

Боцман поднял воспалённые глаза на Козыря. Он подозревал, что этот шулер не просто так вытасил его на игру.

– Есть что предложить? – спросил Боцман.

– Есть. Я ставлю всё, что на столе и себя. Ты ставишь всё, что с тобой. Себя тоже. Игра в двадцать одно. Три кона. Только один момент. За меня играет пацан, – Козырь встал и отошёл от стола.

– Какой ещё пацан? – насторожился Боцман.

– А вот такой, – Козырь щёлкнул пальцами. В комнату вошёл Миша и сел на место Козыря.

Боцман покраснел и выпучил глаза.

– Шкет против меня?

– За игру я отвечаю, – Козырь закурил. – Или ты стал стар и не обыграешь мальчика?

– На понт берёшь?

– А хоть бы и так. Что, бздишь, старик?

Боцман понял, что попал в переделку. Он ожидал подвоха, но что бы такого, нет. Отказаться от игры в данном случае значило полностью потерять авторитет. За это свои же на перо поставят. Играть с ребёнком и проиграть значило то же самое. Выход был один – выиграть, а заодно и убрать уже без меры обнаглевшего Козыря.

– Решил рынок прибрать, – пробасил Боцман. – Лады. Играем.

На стол легла новенькая колода карт.

– Мечи, шкет, – прорычал Боцман.

Миша спокойно взял колоду в руки, распаковал и привычно проверил крап. Всё было в порядке. Тогда он перетасовал колоду в своей манере, уронив пару карт на стол. Боцман при виде таких манипуляций криво усмехнулся, но ещё больше напрягся. Этот фокус он прекрасно

знал и понял, что парень настоящий профессионал. Иначе Козырь не пошёл бы на такой беспредел, не доверил бы свою шкуру мальцу. Миша сдал. Боцман приподнял карту.

– Ещё.

Миша кинул. Боцман поймал карту, глянул и перевернул обе лицом кверху. Козырь поблел.

– Два туза, – Боцман протянул руку.

Миша кинул ему колоду. Боцман сложил карты и профессионально помешал их. Он немного успокоился, но задумку Козыря при таком раскладе так и не понял. Сдал.

– Ещё, – сказал Миша.

Боцман сдал. Он точно знал, какие карты у Миши. Сейчас у него на руках шестнадцать и он запросит третью карту. Боцман даст ему семёрку. Напряжение выросло до дрожи в руках. Козырь уже несколько раз поглядел на своих парней. Те напряглись. Прибывшая публика Боцмана тоже не дремала.

– Ещё.

Боцман кинул семёрку крестей. Миша принял. Он сложил карты, потом раздвинул их и кинул на стол.

– Двадцать одно, – отчеканил он.

Боцман застыл. На столе лежала его семёрка крестей, но вместе с ней лежали не десятка и шестёрка, которые Боцман ему выдал, а две семёрки. Боцман понял, что третий кон он уже не выиграет, но пути назад не было. Он бросил колоду на стол. Миша медленно собрал её, и уже не скрывая своих способностей, мастерски её перетасовал. Боцман снял. Посмотрел свою карту. Дама.

– Ещё.

Король.

– Ещё.

Снова дама.

– Ещё.

Десятка.

– Себе.

Миша, глядя прямо в глаза Боцману, перевернул свою карту. Туз. Небрежно бросил вторую. Туз. Наступила мёртвая тишина. Только часы на стене мерно отбивали неумолимо убегающее время. Последнее время для Боцмана. Это он хорошо знал.

– Ты проиграл, Боцман, – первым нарушил тишину Козырь. – Пора платить по счетам. Карточный долг – это святое.

Тот медленно поднял голову, но смотреть на противника не стал, а двумя руками поддел стол и в один момент перевернул его на Козыря. Это был сигнал к бойне. Те и другие выхватили стволы, и стали палить куда придётся. Боцманские стремились к выходу, а хозяева их не пускали, но пара парней всё же исчезла в проёме. Пока Козырь выбирался из-под стола, прошло несколько секунд. Секунд, которых с лихвой хватило Боцману вытащить наган, но не более того. Козырь лишь успел увидеть перед своим лицом воронёный ствол, как Боцман завалился на спину и промычал:

– Сука, шкет...

Его подельники, видя, что их главарь упал, тут же покидали свои стволы на пол. Козырь повернулся к Мише. Тот всё так же сидел на стуле, словно ничего не произошло. В его руке был зажат наган, а злые до белёсого проблеска глаза смотрели на поверженного Боцмана.

– Ну, ты даёшь, парень, – только и смог произнести Козырь.

На полу были разбросаны бутылки, рюмки, карты вперемешку с огурцами и конфетами. Повсюду блестели золотые цепочки, перстни и кулоны. Рыжё, ради которого все эти люди

готовы были глотки рвать друг другу, ради которого Миша сунулся в этот притон. Он поднялся и убрал в карман наган. Затем поднял пустой саквояж Боцмана, раскрыл его и поставил на пол.

– Моя доля, – произнёс он.

Козырь задумался.

– Зачем тебе, парень золото? Что ты с ним делать будешь? Иди ко мне, жить будешь как король, – сказал он, не придумав ничего более оригинального.

– Я князь.

– Что?

– Я князь, а не король, – повторил Миша. – Попрошу отсчитать мне мою долю.

– Князь...

С улицы донёсся непонятный шум. Хлопнули два выстрела. Послышались крики. В комнату влетел встрепанный Вьюн с вытаращенными от страха глазами и выкрикнул:

– Атас! Легавые!

Козырь кинулся на пол. Он стал судорожно совать в него золото впережку с остальным хламом.

– Козырь, брось! Не успеем! – выглядывая в окно, торопил Вьюн.

– Врёшь, успеем, – Козырь сунул последнюю пригоршню драгоценностей в саквояж и захлопнул его. – Сейчас уходим огородами. Вьюн, присмотри за парнем. Он нам ещё сгодится.

Шум приблизился вплотную к дому и в коридоре уже затопали тяжёлые казённые сапоги. Козырь сорвал со стены ковёр. За ним была дверь, но открыть её он так и не успел. Выстрел вбежавшего человека с наганом в руках сделал своё дело. Козырь выгнулся и рухнул на пол, выронив саквояж. Но и человеку не повезло. Вьюн с перепугу всадил в него все оставшиеся пули. Человек, оскалившись от невыносимой боли и схватившись обеими руками за живот, упал. Вьюн с разбегу прыгнул в окно и вместе с рамой вылетел на улицу. Только стёкла брызнули в разные стороны. Крики и стрельба усилились. Где-то в конце улицы надсадно свистел милицкий свисток.

Когда милиция вошла в комнату, там, на полу лежали одни трупы. По комнате, осторожно переступая через бутылки и мусор, прошёлся высокий милиционер в гражданской одежде. По всему было видно, что это начальник. Он внимательно оглядел место побоища и пошарил глазами по стенам.

– Дверь! – закричал он. – Митрофанов, бегом!

Молодой Митрофанов в новенькой форме и с наганом в руке кинулся к двери, дёрнул её, но дверь не поддавалась. Он обернулся к начальнику:

– Товарищ Сиверцев, не открывается.

– Так чего ты стоишь рот раззявя?! Выбивай её! – в запале заорал начальник и кинулся к стене. – Отойди, бестолочь.

Митрофанов отпрыгнул в сторону, Сиверцев плечом выбил дверь, и все устремились в открывшийся проход. Было уже далеко за полночь. Где-то далеко-далеко за городом, там, где обычно начинался и тут же неожиданно заканчивался призрачный горизонт, уже появилась светлая полоска. Предвестник неминуемого рассвета. Ещё недавно так ярко светящиеся на чёрном небе звёзды как-то враз дружно побледнели и беспомощно замигали, словно обиженные дитятки, когда у них вдруг ни с того ни с сего отнимают сисюку и несправедливо отправляют спать. У справных хозяев во дворах шумно забеспокоились петухи, будя и стоня с уютного насеста глупых, но таких желанных кур, и важно стали выходить во двор. Ещё немного и по тихому посёлку понесутся их дикие крики, и мир снова закрутится на своей бесконечной смертельной карусели.

Товарищ Сиверцев стоял среди всего этого благолепия и беспомощно таращился в темноту. Прислушался. Тихо.

– Дьявол, ушли, – прорычал он.

В берлоге спали сладким сном. Что они видели сейчас, эти никому не нужные дети революции? Маму, по утрам целующую своё ненаглядное чадо? Милиционера, бегущего ловить малолетнего преступника? Или целый каравай хлеба с ароматно воняющей краковской колбасой? Похоже, что одному только богу было известно, что сейчас творилось в их глупеньких, неокрепших головёнках. Не спала лишь маленькая девочка Дуня. Она лежала на своей крошечной постельке и нежно обнимала куклу, когда в лаз вполз тяжело дышащий Миша. Он на карачках добрался до своего угла и без сил рухнул на постель. Дуня приподнялась и с детской любовью посмотрела на него, но ничего не спросила и снова улеглась, ещё крепче сжимая тоненькими ручками свою пластмассовую подружку.

Глава 7.

Конец берлоге.

Отделение милиции размещалось в реквизированном доме фабриканта. Из обстановки выкинули ненужные по мнению новых хозяев мебели, оставив лишь только самое необходимое. Начальник милиции товарищ Сиверцев, в прошлом рабочий той самой фабрики, что стоит на краю посёлка, не смог убрать лишь высоченного зеркала в прихожей. Оно было намертво вмуровано в стену, а возится с ним ни у кого не было ни времени, ни желания. Борьба за светлое будущее, нарисованное черными красками, была куда важнее, чем пустая возня с буржуйским барахлом. Так, во всяком случае, считали все сотрудники милиции, включая вольнонаёмный персонал. Каждый раз, заходя в отделение, Сиверцев видел в зеркале свою не очень привлекательную фигуру, и злился, сам не зная на кого. Так злой как чёрт он и входил в свой кабинет, пугая и настраивая на ответственный лад своих подчинённых. Ели бы они догадались о причине недовольства начальника, то в один момент бы избавились от проклятого зеркала, но причина плохого настроения начальника оставалась пока для них тайной.

Вот и сегодня после бурной бессонной ночи, засветившись в ненавистном зеркале и раскалившись ещё больше, взъерошенный начальник протопал за свой стол и тут же созвал совещание. Сотрудники не заставили себя долго ждать. Быстренько заполнили просторный кабинет, и расселись на свои места. Сиверцев растерянно достал пачку папирос, пошарил в ней заскорузлыми от прошлой работы пальцами и достал помятую папиросу. Повертел её в пальцах, затем посмотрел на неё, словно не понимая, зачем она тут, оглядел её со всех сторон и, словно проснувшись, решительно сунул в рот. Чиркнул спичкой и закурил. За ним потянулись остальные. Кабинет быстро наполнился дымом. Плотные рваные табачные облака плавно закачались под потолком. Не курила в этой грозной компании лишь Любочка Демидова. Молоденькая, до ужаса симпатичная девушка, пришедшая на службу по решению комсомола и надсадному зову непорочного беспокойного сердца. Она исполняла должность секретарши и курьера одновременно. Люба, как всегда, в такие моменты молча встала со стула и открыла окно. Дым тут же собрался в тугую струю и с радостью полетел вон из душной комнаты на вольную волю, рея за окном как вымпел на шхуне. Любочка удовлетворённо одёрнула кофточку, туго облегающую аппетитные грудки, сводящие с ума половину мужского персонала и села на место.

– Рома, доложи потери, – начал совещание Сиверцев.

– Погиб Леонид Петров, – поднялся со своего места милиционер лет тридцати. – Бандиты ликвидированы почти полностью. Взят живым некто Жилин Юрий Сергеевич по кличке Вьюн.

– Вопрос в том, кто ушёл и унёс золото, – сказал Сиверцев. – То, что две банды воров ликвидированы, это хорошо. Боцман и Козырь старые законники. Иваны в своей среде. Они получили своё. Сполна. Вот что, товарищ Колесников. Возьмёшь пару сотрудников и пройдёшь по следам, опроси соседей. Может, кто, что и видел. Нашумели мы хорошо, весь посёлок на ноги подняли.

– Понял, Евгений Борисович, сделаю, – приподнялся Рома и снова сел. – Я вчера уже опросил несколько граждан. Они все утверждают, что кроме бандитов туда ещё мальчишка приходил. Накануне сборища и в этот вечер тоже.

– Мальчишка? – переспросил Сиверцев, снова прикуривая очередную папиросу. – Причём здесь мальчишка? Ты ничего не путаешь, Рома? Может, он просто гулял там?

– Я сначала тоже так подумал, – продолжил Рома. – Но соседка утверждает, что этого паренька сам Козырь встречал и провожал. Привозил его Жилин. И в тот день он его встречал. Рома замолчал.

– Говори, чего томишь, – в сердцах выпалил Сиверцев. – Что за манера такая у тебя, Рома? Тень на плетень наводить. Что думаешь, не родственник?

– Нет, – жёстко сказал Рома. – По описанию парнишка не из простых. Одет прилично. Босота так не одевается. Но дело не в этом. Манеры у этого мальчишки совсем не уличные.

– Из благородных?

– Так точно.

– Думаешь, это он с золотом ушёл? – Сиверцев засуетился.

– Он. Точно. И следы в огороде маленькие и в доме его не оказалось, – закончил Краснов. Сиверцев задумался. Рассказ о мальчике несколько озадачил его. И, вдруг, он вспомнил.

– А не тот ли это паренёк, что кремлёвские сыскари интересовались?

Он покопался в столе и достал лист бумаги. На нём было описание мальчика и нарисован небольшой портрет. Он пробежал глазами по тексту и протянул лист Краснову.

– Покажешь соседке. Что задержанный?

– Молчит, товарищ Сиверцев. Крепкий, – доложил Митрофанов.

– Думаю, что он ничего не расскажет, – предположил Сиверцев. – Давайте, товарищи. За работу. Митрофанов, Жилина ко мне. Рома, останься.

Сотрудники разошлись, а вскоре в кабинет ввели Вьюна и усадили на стул напротив начальника. Вьюн держался спокойно. Он с любопытством взглянул на Сиверцева и улыбнулся:

– Никак сам гражданин начальник меня видеть пожелаали?

– Не юродствую, Жилин, – быстро записывая что-то на бумаге, сказал Сиверцев. – Не в твоём положении балагурить.

– А я что, начальник, я ничего, – погасил улыбку Вьюн. – Я мимо проходил, а меня схватили, сюда притащили. В чём моя вина, начальник?

Сиверцев поднял глаза.

– Тебя взяли при попытке к бегству, Жилин. С наганом на кармане.

– Так и что и того? Наган я подобрал. Стреляли. Я же не знал, кто стреляет. А законов я не нарушал. Собрались чаю попить знакомцы и всех делов.

– Твои знакомцы воры в законе, нарушившие все эти законы.

– Так я же не знал, – искренне удивился Вьюн. – Вот падлы, так меня подставили. А казались такими порядочными фраерами. Извиняюсь, людьми. Надо было так вляпаться. Сидел бы я тихо со своей Софочкой на балконе, так нет, чаю захотелось попить на природе-матушке...

– Хватит вилить, гражданин Жилин. Я вас вызвал не по этому делу, – оборвал Вьюна Сиверцев и показал ему рисунок Миши. – Узнаешь?

Вьюн аж привстал со стула от усердия, приблизил глаза к бумаге и внимательно осмотрел её. Судя по бегающим глазам, прочитал. Потом уселся на место и отвернулся к окну.

– Нет, гражданин начальник, не видал.

– Зря отрицаешь. Свидетели показали, что этот мальчик был в том доме и привёл туда его ты.

– Брешет как сивый мерин.

– Придётся провести очную ставку, – сказал Сиверцев.

Вьюн задумался.

– Ну-ка, покажи ещё разок, – потянулся он к столу. – Точно, этот пацан. Козырь просил захватить по пути. Племяш его. Давно не видел.

– Племяш, говоришь? Хорошо. Так и запишем. А что он там делал?

– Ничего, тоже чай пил.

– Митрофанов, уведи задержанного, – приказал Сиверцев и снова стал писать.

– А куда, начальник? – засуетился Вьон. – Ты скажи, что я сделал, а нет, так отпусти.

– Ты мне, гражданин Жилин не интересен. Вина твоя в том, что ты вор и сядешь надолго или пойдёшь к стенке за твоё молчание. Из твоего нагана двое сотрудников убиты. Как видишь, на вышку с лихвой хватит. Уводи его, Митрофанов, – не отвлекаясь от бумаги, проговорил Сиверцев.

Митрофанов подошёл к Вьону и взял его за плечо. Тот вцепился в стул и, наклонившись к столу, залепетал:

– А если не буду?

– Говори, – Сиверцев поднял глаза на вора.

– Чай пили, в картишки играли, а тут вы нагрянули. Я и сделал ноги от страха.

– Всё?

– Всё.

Синельников снова взял в руки ручку.

– Уводи, Митрофанов.

Митрофанов схватил Вьона за плечи и рывком поднял со стула, потащил к выходу. Тот елозил ногами по полу, словно педали велосипеда крутил, но сделать ничего не мог. В дверях он закричал:

– Нет на мне ничего, начальник. Фуфло толкаешь, не докажешь...

Дверь за арестантом закрылась. В коридоре что-то упало с громким стуком, кто-то громко выругался, потом всё затихло.

– Что думаешь, Иван Петрович? – спросил Колесников, наблюдающий сцену допроса из угла.

Он подошёл к столу и взял листок с рисунком, закурил.

– Мальчик был там, – сказал Сиверцев, отбросив ручку. – Это факт. Для чего он был им нужен, непонятно, но то, что золото у него, это второй факт.

– Много золота? – спросил Колесников.

– Много, Рома, много. Сейчас нам это золото ох как нужно. Страна в разрухе. Война ещё бог его знает, сколько продлится, а нам нужны станки, машины, оборудование. Всё это покупаем за океанами на то самое золото. Но есть в этом деле ещё одно обстоятельство. Этого мальчишку Таркова ищет Краснов из Кремля.

– Краснов? Тот самый?

– Тот самый, Рома. Видать, что этот княжеский отпрыск важная фигура. Контрразведка просто так не будет бегать за мальчишкой. Найти его надо, Рома. Причём, срочно. Прошерсти все притоны, опроси беспризорников. Потряси рынок. Он где-то здесь затаился. Чутьё мне говорит, что далеко он не ушёл. Кладь слишком тяжёлая и приметная. Он не дурак, знает, что его ищут.

– Есть, командир, – козырнул Колесников и вышел из кабинета.

– Прошерсти, – идя по коридору, думал Колесников. – Как их прошерстишь, интересно знать. Они как тараканы разбегаются при одном упоминании о милиции. Нет, здесь как-то по-другому надо делать. Да и какая нужда сидеть князю с мешком золота в клоповнике? Здесь явно кто-то взрослый орудует. И не просто взрослый, настоящий урка. Обнести две воровские шайки не каждый отважится. Точно. Ведь кто-то же позвонил нам и предупредил о сходке воров. Так, так, Рома. Кажется, вырисовывается картинка. Некто знал о сходке и каким-то

образом внедрил к ним агента. Мальчишку. Вызвал милицию, мы перестреляли всех, а мальчишку не тронули, и он ушёл с золотом. Так?

Колесников от восхищения своей мудростью даже остановился, ещё раз прошёлся по версии, подумал и с досады плюнул прямо на пол.

– Чушь несусветная, – проговорил он.

– Это что у нас за верблюды завелись! – раздалось за спиной Колесникова.

Он обернулся. Перед ним стояла очаровательная машинистка Любочка и сверкала злыми глазами, в которых словно шторм плескался праведный гнев.

– Что? – переспросил Рома.

– В углу швабра и тряпка. Вмоешь весь пол, – отчеканила Люба и, повернувшись к Роме спиной, исчезла за дверью кабинета.

Рома давно присматривался к девушке, но даже подходить к ней боялся в силу своей ужасной стеснительности по отношению к женскому полу. И вот такая конфузия. Позор. Он машинально плюнул ещё раз, испуганно осмотрелся и в один момент вылетел из здания. Собирая разбежавшиеся мысли, он направился прямо на рынок.

– Пирожки, пирожки! А вот капуста квашеная, налетай! – раздавалось на рынке. Народу в этот день было немного, впрочем, как и всегда. Рому здесь многие знали. Он не раз задерживал спекулянтов, утихомиривал разошедшихся не в меру покупателей. Его появление вызвало некоторую сумятицу среди торгашей. В один миг с прилавков исчезло всё, что могло обратить на себя, а следом и на хозяина нежелательное внимание власти. Рома купил стакан семечек у старухи и, плюясь шелухой во все стороны, направился вдоль рядов. Первое, что он сделал, подошёл к заброшенной будке сапожника. Там всегда стоял местный нищий. Он и на этот раз опирался сутулой спиной на обшарпанную стенку ларька. У его ног лежала кепка с несколькими бумажками.

– Снова побираешься, Кузьмичев? – Рома убрал семечки и достал рисунок. – Парнишку видел?

Кузьмичёв прищурил глаза и вгляделся в портрет. Кивнул головой.

– Когда?

– Вчерась у Машки пирогами затаривался, – проскрипел нищий.

– У Машки? – переспросил Рома. – У Курилихи?

Нищий снова кивнул головой.

– С ним был кто?

– Не, он один был.

– Появится, дай знать, – бросил Рома и направился к прилавку с пирожками.

Нищий проводил милиционера тоскливым взглядом, подхватил свою кепку и бесследно исчез за ларьком.

– Этот покупал у тебя пирожки? – Рома сунул под нос торговке картинку.

– Покупал, – быстро ответила Курилиха. – Вчерась и третеннись. Много. Колбасу ещё брал, а у Митрича куклу купил.

– Чем расплачивался?

– Так деньгами. Вот такую пачку вынул и расплатился, – на пальцах показала толщину пачки Курилиха. – Всё чин по чину.

Рома направился в посёлок.

– Прав командир. Здесь его лежище, – думал Рома. – Было. Зря я на рынок приходил. У них везде свои люди. Теперь ищи ветра в поле. Дурак.

Соседка Козыря тоже сразу опознала Мишу. Рома для очистки совести прошёлся ещё раз по огородам, ничего интересного не нашёл и вернулся в отдел.

А Миша всё это время спокойно спал в берлоге. Он и представить себе не мог, как близко подобралась к нему красная сыщики. Он до крайности вымотался за эти дни и спал как уби-

тый. В берлоге сидели почти все беспризорники. Кукиш так и не появился. Ни с наганом, ни без него. Как сквозь землю провалился. С ним исчезло ещё двое ребят. Оставшиеся беспризорники облепили стол с кусками еды и отчаянно резались в карты. На кону стояли то пироги, то обломки колбасы, то ещё какая дребедень. Временами доходило до драки, но, обменявшись несколькими тумаками, они снова дружно садились за стол. Малышня во всём старалась подражать бывалым вора. Выходки, ужимки и феня, в которую они и сами внесли много чего нового, были главными атрибутами настоящей беспризорщины. Но вот все затихли и повернули головы к входу. Там явно кто-то шарился.

– Кто на стрёме? – тихо спросил Кучер.

– Пузырь.

– Голову отверну, шкету, – прошипел Кучер и осторожно подкрался к лазу.

– Эй, шантрапа, – услышал он знакомый голос нищего. – Выдь на минуту.

– Всё тип топ, свои, – успокоился Кучер и выполз на свет.

У входа на карачках стоял нищий в своей неизменной кепке.

– Чего припёрся? – недовольно спросил Кучер. – Лягавых наведёшь.

– Не бзди, пацан. Своих не сдаём. Новенький с вами? – Спросил нищий.

– А тебе чего?

– Лягавые его ищут. Ромка сейчас на рынке был. Картинку новенького показывал всем.

У Кучера испуганно забегали глазёнки.

– И чё?

– Избавиться от него надо, иначе он всех под уголовку подведёт, – прошептал нищий. –

Ночью в посёлке стрельба была. Говорят, Козыря с Боцманом положили.

– Кто? – вытаращил глаза Кучер.

– Собаки, кто же ещё, – разозлился нищий. – Пацан ваш там был. Он один в живых остался. Его найдут. Весь посёлок перевернут, а найдут. И вас с ним загребнут. Чуешь?

– И чё?

– Чё, чё, – зашипел нищий и достал нож. – Кончим мазурика и подкинем собакам. Успокоятся и нас не тронут. Вот чё. Отойди.

Кучер отполз в сторону, а нищий лёг на живот и забрался в берлогу. Сидевшая ребятня за столом молча следила за ним. Следом вполз Кучер. Нищий обернулся и посмотрел на него. Тот испуганно хлопнул глазами, нерешительно кивнул головой в дальний угол. Нищий взял в руку нож и стал подкрадываться к спящему Мише, но подойти к нему так и не успел.

– Замри, падло, – на нищего в упор смотрел ствол револьвера. – Брось перо.

Нищий растерянно мигнул и бросил нож на землю.

– Все в сторону, – скомандовал Миша. – Быстро.

Проход в один момент освободили, прижавшись к стене и со страхом глядя на револьвер.

– Дуню берегите. Приду, проверю. Если что, всех порешу, – сказал Миша и, бросив прощальный взгляд на девочку, выскочил из берлоги.

Выскочил и сразу попал в цепкие руки Сиверцева.

– Не торопись, парень, – милиционер ловко выхватил револьвер из Мишиных рук.

Миша не стал сопротивляться. Поздно, да и не безопасно. Он огляделся. У входа в берлогу стояло с десятков милиционеров. Стволы их наганов смотрели на вход в берлогу.

– Вот суки, – грустно усмехнулся Миша. – На горстку нищих пацанов со стволами. Тоже мне, герои.

Из берлоги стали появляться на свет несчастные оборвыши, враз потерявшие весь свой блатной налёт. Не сдавался один лишь Кучер. Его вытащили за ногу, как нашкодившего котёнка из-под кровати. Кучер яростно упирался и лягался ногами так, что пару раз заехал по физиономии милиционеров.

– Лярвы ментовские, собаки драные, всех попишу, – орал благим матом Кучер, не переставая отбиваться. – Пусти, мусор поганый, харю начищу. Кузьмич, сука блохастая, продал, иуда. Задушу, паскуда...

Последней из тьмы подземелья в обнимку с куклой, вышла маленькая Дуня. Она в надежде глянула на Мишу, инстинктивно потянулась к нему, но, увидев рядом с ним милиционера, вздрогнула и тут же горько заплакала, опустив голову. Беспомощная косичка свалилась на плечико девочки. Миша дёрнулся было к Дуне, но сильные руки Сиверцева крепко держали его. Миша поднял голову и взглянул на Сиверцева. Тот опешил. Это не был взгляд подростка. Это был взгляд взрослого человека, взгляд, от которого даже у видавшего виды милиционера по спине пробежали неприятные мурашки. Не ненависть и уж точно не страх, а что-то такое, что не подвластно пониманию отразилось в глазах мальчика.

– Ты это... Ты не беспокойся. Девочку мы в обиду не дадим. – Сиверцев растерянно пошарил глазами по сотрудникам. – Осипов, займись... Остальных в приёмник.

Он взял Мишу за руку и молча повёл его по знакомой им обоим тропе в город. Сзади продолжали раздаваться истошные крики беспризорников.

– Конец берлоге, – подумал Миша. – Хотя, это к лучшему. Иначе им не выжить.

В кабинете Сиверцев усадил Мишу на стул, сам сел за стол и закурил, с нескрываемым интересом рассматривая парнишку.

– Ты как в банде оказался? – наконец, спросил Сиверцев.

– Чаю зашёл попить, – нагло ответил Миша. – А что, нельзя?

– Ещё один любитель чая, – усмехнулся Сиверцев. – Ладно. Пусть будет по-твоему. А где золото?

– Какое золото?

– Которое ты унёс из дома.

– Не было золота, – Миша спокойно выдержал взгляд Сиверцева и тоже усмехнулся.

– А револьвер у тебя откуда? Или его тоже не было? – Сиверцев выложил на стол Мишино оружие.

– Был, – просто ответил Миша. – Я его у Козыря одолжил.

– Зачем?

– Хорошая вещь всегда может пригодиться. Война идёт, а меня защитить некому. Сирота я.

– Почему же? У нас есть закон, власть, милиция.

– Есть? – Миша нахмурился. В его глазах мелькнул нехороший огонёк. – Тогда скажите мне, почему убили моих родных? Почему Дуня умирает в землянке? Кто её защитил? Почему за мной все гонятся как за преступником? Письмо брату заставили написать. Кому я нужен? Сдохну под забором, так вы же и скажите, что ещё один буржуй откинулся. Ещё и посмеётесь. Что, не так?

Сиверцев откровенно удивился такой речи четырнадцатилетнего мальчишки. У него создалась впечатление, что перед ним сидит взрослый, повидавший жизнь человек. Он даже несколько растерялся. Как там, у берлоги. Совсем не так представлялся ему разговор с ребёнком.

– Недаром за ним Краснов гоняется, – подумал он. – Такой сразу не расколется, если вообще расколется.

– А ты не спеши, – ответил он. – Не всё сразу делается. Это как с людьми. Человек сначала ходить учиться, говорить, думать. Так и государство.

– Вот, вот, – снова усмехнулся Миша. – Пока вы ходить учиться, мы все передохнем.

– Зато потом будет прекрасная жизнь, справедливая и счастливая.

– Что мне ваше завтра, если я живу сегодня? – упрямо продолжал Миша. – Убьют-то меня сегодня. Зиночке всё равно, что будет завтра.

– А кто такая Зиночка? – спросил Сиверцев.

– Сестрёнка моя. Её бандиты сожгли. Заживо, – голос Миши дрогнул, и он отвернулся.

Сиверцев задумался. Он уже понял, что с этим странным ребёнком нужно разговаривать как-то совсем по-иному, не как с взрослыми, но и не как с детьми.

– Пусть отдохнёт, подумает, – решил Сиверцев и отдал команду. – Уведите задержанного. И проследите, чтобы накормили.

– Куда его, товарищ начальник?

– В отдельную. Только аккуратно.

Мишу вели по коридору, и он ловил на себе откровенно любопытные взгляды. Многие даже оглядывались. Весть о необычном уголовнике вмиг разлетелась по учреждению. Его завели в маленькую комнату без окон с одной кроватью и заперли.

– Плохо не то, что попался, плохо то, что теперь здесь меня каждая собака знает, – лёжа на кровати подумал Миша. – Видно напрасно говорил мне гусар, что выживает не тот, кто смел да удал, а тот, кого нет. Золото я им не отдам. Смысла нет. Всё равно посадят. А так хоть деньги потом будут. Папино состояние могу и не добыть. Интересно, куда меня посадят? В тюрьму? Ничего, выдержу. Друзей нет, кругом враги, а мне вы ничего не сделаете. Ничего.

Миша от таких мыслей даже как-то успокоился и заснул. Проспал до вечера. Принесли ужин. Он без аппетита съел уже привычную кашу, выпил кружку неизвестного напитка, который почему-то назывался чай. Такого чая ему ещё пробовать не доводилось.

Весь следующий день он провёл в этой комнатёнке. Его выводили только в туалет. На третий день за ним пришёл сам Сиверцев. Они прошли в кабинет. Сели по своим местам.

– Декрет Советской власти отменил суды над малолетками, – сказал Сиверцев. – А тебе и вообще ещё четырнадцать. Я должен был направить тебя на комиссию, но думаю, что это лишнее. Скажи, Миша, а как ты собирался дальше жить?

Миша удивлённо посмотрел на этого странного милиционера. До него никто не спрашивал его, как он собирается жить. Да и сам Миша весьма смутно себе это представлял.

– Поселился бы где-нибудь, – пожал он плечами.

– А именно где?

– Снял квартиру.

– Хорошо. Допустим, ты снял себе квартиру. А на что ты жить собирался? Есть, одеваться и прочее? На что? На то золото, что ты взял? Ведь именно для этого ты пошёл туда?

– Так вам золото нужно? – обозлился Миша. – Так бы и сказали, а то про жизнь заговорили. Я уже давно понял, что моя жизнь интересует только меня и больше никого. Нет у меня ничего. И точка.

Сиверцев понял, что переборщил. Миша мог замкнуться уже навсегда, а это не входило в его планы.

– Да нет, я хотел узнать, на что ты собирался жить. Работать?

– Почему бы нет?

– Но тебя никуда не возьмут. По возрасту. Да и делать ты ничего не умеешь.

– Тогда пошёл бы учиться, – неуверенно сказал Миша.

– Тоже хорошо, за учёбу денег не платят. А пропитание?

– Я бы нашёл выход, – сказал Миша и тут же спросил. – Так вы меня отпускаете?

– Почему ты так решил?

– Сами сказали, что малолеток у вас не судят. Или что?

– Не судят. Это ты в точку попал. Я направляю тебя в детский дом. Это единственное, что можно сделать. Там кормят, учат и воспитывают.

– Это тюрьма? – спросил Миша.

– Нет, не тюрьма, – ответил Сиверцев. – Ты что, бежать собрался? Только честно.

Миша посмотрел в окно, потом на милиционера и усмехнулся.

– Не понравится, обязательно убегу.

– Спасибо, что честно ответил. Но хочу тебе сказать, что бежать, в общем-то, некуда. Если только снова под мост. Но это временно. Тебя непременно поймают. И это если повезёт. Если жив останешься. Это я тебе тоже честно говорю. Так что время у тебя подумать ещё будет предостаточно.

Глава 8.

Колония.

В детский дом где-то на окраине Москвы они прибыли уже на следующий день. Мишу привезли на машине. Сопровождал его Колесников. За всю дорогу он не произнёс ни слова. Миша тоже не был настроен на разговоры. Да и о чём ему можно было разговаривать с милиционером? Бывшим рабочим. Ни о чём. Приют располагался в старой усадьбе, похожей на усадьбу Тарковых. Единственно, там не было озера. Вокруг дома росло несколько чахлых яблонь и пара берёз. Вот и всё украшение. Вдалеке была видна деревенька. Ничего примечательного. Дом окружал новый стальной забор. Миша прикинул его высоту. Не перелезть, но при желании удрать можно.

В приюте в это время шли занятия. Во дворе шаркал потрёпанной метлой одинокий дворник. Он и открыл ворота. Машина въехала во двор и остановилась напротив высокой парадной лестницы. Когда-то, совсем недавно к этой лестнице подъезжали состоятельные господа. Пьяненькие и нарядные. А теперь здесь бегала босоногая шантрапа, и иногда подвозили со всей округи малолетних урок. Из дверей вышел человек в полувоенной форме. Суровый и сильный на вид. Средних лет. Голова человека была выбрита начисто, как и лицо. Кем он был до революции, трудно было сказать, но не рабочим, это точно.

– Здравствуйте, Назар Григорьевич, – поздоровался с лысым Рома. – Вот его документы. В остальном мы вас предупредили. Всего хорошего.

Рома сел в машину, даже не глянув на Мишу, и укатил обратно в Москву. Миша хмуро посмотрел вслед Колесникову.

– Здравствуйте, молодой человек, – обратился лысый к Мише. – Я являюсь заведующим детского дома, где вы будите жить и учиться.

Миша повернулся к заведующему.

– Здравствуйте, Назар Григорьевич. Позвольте представится. Князь Тарков Михаил Иванович. К вашим услугам, – Миша картинно шаркнул ногой.

Назар Григорьевич внимательно выслушал Мишу и на его вызывающее поведение не обратил ни малейшего внимания. Он ещё не таких речей выслушивал от своих питомцев, поэтому не удивился. Тем более что из Москвы его уже известили о необычном воспитаннике с трудным характером.

– Прекрасно, – сказал заведующий. – Прошу за мной ваше сиятельство в апартаменты. Слуг у нас нет, так что уж простите меня грешного.

Миша оценил поведение заведующего и понял, что если ему и будет здесь непросто, то непросто с умным человеком, а это, как он считал, уже неплохо. Дураков он и на дух не переносил. Хотя сейчас о дальнейшей жизни в приюте он и вовсе не думал. Пару дней отсидеться, пока всё не уляжется. Это максимум, на что Миша рассчитывал. А пару дней он уж как-нибудь протерпит.

Процедуры с мытьём, одеванием и прочими необходимыми мероприятиями Миша перенёс более чем стойко. Сейчас его волновало больше всего общество усадьбы. Пока он ни одного воспитанника не видел и не слышал.

– Идёмте, Миша. Я представлю вас вашим товарищам, – приняв Мишу на выходе из канцелярии, сказал заведующий. – Вы какой класс закончили?

– Я учился в лицее.

– О, тогда вы профессор среди наших оболтусов. Ваше место в старших классах. Впрочем, мы уже пришли.

Заведующий открыл дверь и вошёл в класс. Миша вошёл следом. Помещение было просторное с огромными окнами. За самодельными партами сидело с десяток учеников разного возраста. От Мишиных ровесников и старше. У доски стояла молодая высокая учительница. При появлении заведующего дети встали, а учительница оборвала на полуслове урок и повернулась к вошедшим.

– Здравствуйте, дети, – поздоровался Назар Григорьевич. – Представляю вам нового ученика. Зовут его Тарков Миша. Надеюсь, вы подружитесь. Лариса Владимировна, определите новенького и продолжайте занятие. Прошу вас.

Назар Григорьевич вышел из класс, словно по команде "вольно", тут же с треском уселся за парты, не спуская глаз с новенького, словно удав с потенциальной жертвы. Этому безжалостному убийце тоже было необходимо вначале оценить несчастного, а уж потом нападать. В противном случае охотник сам мог превратиться в жертву. Таков закон жизни у населяющих планету тварей, к коим, к сожалению, относится и человек. Учительница, не теряя напрасно время, усадила Мишу за свободную парту и продолжила прерванный урок. Это была математика. Что говорила учительница, Миша не слушал. Он как сел, так сразу отвернулся к окну, благо место было почти вплотную к подоконнику, да так и просидел до конца урока, созерцая качающиеся на ветру берёзы. После звонка Лариса Владимировна моментально покинула класс. Мишу тут же обступили воспитанники. Рядом сел пухлый парнишка, сплошь покрытый веснушками с включенными рыжими волосами. Возраст парнишки был, по всей видимости, приблизительно Мишин. Выражение лица наглое, злое.

– Главарь, – понял Миша. – Ну что же, будем знакомиться.

– Новенький? – спросил рыжий.

– А что, так непонятно? – нагло ответил Миша.

– Нет, не понятно, – сдвинул брови рыжий. – Где взяли?

– В берлоге, – не растерялся Миша. – Козыря завалили, а я уйти не успел. Собаки ходы перекрыли.

– Кого? – не понял рыжий. – Какого Козыря?

– Ты чего, Решето, про Козыря не слышал? – толкнул его парнишка поменьше ростом и возрастом. – Это же урка с посёлка. Законник. Про него много звонили. Фартовый вор. Сейфы бомбил, как орехи щёлкал. Так чего, нет больше Козыря? Жаль.

– Нет. Пара дырок и к четьям на сковородку, – ответил Миша.

– А ты там чего делал? – не поверил Решето. – Чую, братва, он нам тут горбатого лепит. А ты, Крыса лучше помолчи. Не суйся, куда я говорю.

– Не веришь, дело твоё, – откинулся на спинку парты Миша. – Я с ними в карты играл.

– И что? – не стерпел Крыса.

Решето резко повернулся, но Крыса уже предусмотрительно нырнул под парту.

– Выиграл, – ответил Миша.

– Ты что, шулер?

– Шулер.

Решето подумал немного и достал из кармана замусоленную колоду карт.

– Слабо, в очко со мной сыграть?

– Сдавай, – согласился Миша.

– На что играем? – тасуя колоду, спросил Решето.

– На власть, – жёстко сказал Миша.

Решето замер и уставился на Мишу. Даже рот открыл.

– Выиграешь, я под тобой ходить буду, нет, ты власть сдашь. И поддувало закрой, ворона залетит, – пояснил Миша.

Решето машинально закрыл рот и обвёл ребят сердитым взглядом.

– Видали, чего шкет захотел? Власти. А вот это видел? – Решето резко выбросил прямо к Мишиному лицу внушительный кукиш. Миша зло усмехнулся и, схватив руку главара, рванул её в сторону и вверх. Решето взвыл от дикой боли и неслыханной наглости.

– Сука легавая! Бей фармазона!

Как ни пытался Миша сопротивляться, но с такой отчаянной ватагой он справиться не смог. Били вчерашние беспризорники жестоко. Пинали ногами, утюжили кулаками. Шум поднялся большой. Орали все. Спасла Мишу Лариса Владимировна. Она одним махом раскидала шантрапу в сторону. Беснующего Решето оттащила за ногу. Тот отчаянно лягался и скрёб пол ногтями. Он вошёл в раж и остановить его было не так-то просто. Учительнице пришлось его вытягивать в коридор и держать до прихода мужчин. Прибежал заведующий и, мельком глянув на беснующегося Решето, вошёл в класс. Миша к тому времени без чувств лежал на полу и ничего уже не слышал.

Очнулся он в небольшой светлой комнатке на кровати. С трудом разлепил глаза. Один глаз открылся лишь наполовину. Болело всё тело, голова, лицо. Перед глазами без конца плавали радужные круги. Миша хотел привстать, но не смог и лишь мучительно застонал. Страшно хотелось пить. Миша облизал сухие распухшие губы. Хлопнула дверь.

– Очнулся? То уже неплохо, – услышал он женский голос и перед его глазами замаячил белый халат.

– Пить, – попросил Миша.

Звякнула кружка, и Миша почувствовал, как в рот полилась вода. Он поперхнулся и натужно закашлял. В груди словно бомба взорвалась. Он снова потерял сознание.

– Ну что, живой? – в комнату вошёл заведующий.

– Удивительно, но живой, – ответила врач приюта, Роза Львовна. – После таких травм редко кто выживает, а этот ничего, в себя приходил. Правда, ненадолго.

– Я прошу вас не докладывать наверх, Роза Львовна. К нашему дому и без того много внимания со стороны милиции, комиссии, а помощи чуть. Мальчика привезли особо, просили контролировать каждый его шаг. Даже сотрудника прислали. Он сам доложит, что посчитает нужным.

– Его по-хорошему необходимо в город отправить, но, боюсь, не довезём.

– Последствия могут остаться?

– Могут. Но организм молодой. Думаю, он справится.

Назар Григорьевич ещё раз посмотрел на Мишу и вышел. Доктор осталась.

Миша болел долго. Месяц не вставал с кровати, боль в груди не проходила. Миша терпел. Терпел молча. Роза Львовна вначале пыталась поговорить с ним, но Миша каждый раз закрывал глаза и не отвечал на вопросы. Приходил заведующий, но и с ним он не разговаривал. В конце концов, его оставили в покое. Ещё через месяц Миша стал понемногу вставать. Боли в груди уже не так мучили его. Держась за спинку кровати, он подходил к окну и смотрел на мир. Там уже всю хозяйничала осень. Листья на деревьях скукожились, пожелтели и стали жёлтым ковром устилать двор. Дворник несколько раз в день гонял их из угла в угол, сжигая в старой бочке. Воспитанники по вечерам тоже выходили во двор на прогулку под присмотром воспитателей. Миша каждый день видел шпану, которая так жестоко избивала его. Не хватало только главара. Решето не появлялся. Миша не боялся их. Он их ненавидел, и ненависть с каждым днём только усиливалась в нём. Всеми днями мечтал о том, как будет мстить, как эти плебеи будут у него в ногах валяться и просить прощения, а он их прощать не будет.

– Мне бы только поправиться, – думал он. – Сбежать отсюда можно. Доберусь до саквояжа, там револьвер. Вот тогда и посмотрим, как вы запоёте. Первого главаря застрелю. Я из него настоящее решето сделаю.

Так прошёл ещё месяц. Миша уже почти полностью поправился и мог обходиться без посторонней помощи. Во дворе лежал первый снег, и дворник сменил метлу на лопату. В усадьбе усердно топили печи. Дрова таскали сами воспитанники под присмотром учителей.

Настало утро, когда в комнату вошёл заведующий с незнакомым человеком. Незнакомец взял стул, и присел возле кровати.

– Знакомьтесь, Миша, это Василий Петрович. У него к вам есть несколько вопросов. – Сказал Назар Григорьевич и вышел.

– Здравствуйте, Миша, – поздоровался Василий Петрович. – Я сотрудник уголовного розыска. Вопросы у меня к вам по делу о пропавшем золоте.

– Я ничего не знаю, – буркнул Миша и по привычке закрыл глаза.

– Вполне допускаю, – согласился Василий Петрович. – Но мне не нужно доказывать, что вы его не брали. Я уверен, что это не так. Вы помните вашего знакомого Юру? Кличка Вьюн.

Миша промолчал, но глаза открыл.

– Вижу, что помните. Ведь это он вас привёл в дом Козыря. Юра сейчас у нас. Он выжил после той перестрелки.

Миша никак не отреагировал, но лицо его побледнело. Василий Петрович заметил это.

– Хорошо держится, – подумал он. – Не зря меня Сиверцев предупредил.

– Юру мы посадим, это не вопрос, – продолжил Василий Петрович. – Дело тут в другом. Он пока не знает, что золото пропало. Думает, что мы его забрали. Пока так думает. А если он узнает, что оно исчезло, а выжили только он и вы? Как вы думаете, Миша, где Юра будет искать золото? Ведь он когда-то выйдет на свободу, а может, и сбежит. Допустим, прямо с этапа. Найти вас ему не составит труда, а дальше дело техники. У него вы молчать не будите. Да и разговаривать такие как он не любят. Даже если вы отдадите ему золото, он убьёт вас. Так что выбирайте, пока есть из чего.

Василий Петрович замолчал. Он не сводил с Миши своих прищуренных глаз, стараясь понять, что происходит с этим взрослым ребёнком. По-другому думать о нём он не мог. Он ждал, а Миша молчал.

– Ну, что же, разговора у нас, к сожалению, не получилось, – Василий Петрович поднялся со стула. – Вы думайте, господин Тарков, пока есть время. Я ещё навещу вас, до свидания.

В класс Миша вернулся вскоре после отъезда сыщика. Вошёл и спокойно сел на своё место. Класс затих. Все участники драки присутствовали на уроке. Даже Решето сидел, как ни в чём не бывало, и с весёлым прищуром рассматривал новенького. Следом за Мишей вошёл пожилой учитель географии и с ходу, даже не поздоровавшись, начал рассказывать об Африке, количестве пустынь и гор, озёр и рек. Миша слушал, а мысли его были далеко.

– Махнуть бы в эту самую Африку. Вот раздолье, – мечтал он. – Сиди себе под пальмой и ешь ананасы. Надоели ананасы, жуй бананы. Как Робинзон. Круглый год без штанов ходить можно. Красота. Скучно станет, заведёшь попугая, болтать с ним будешь или какую-нибудь Пятницу поймаешь.

– Дуров! – неожиданно рявкнул учитель, оторвав Мишу от радужной мечты. – Что у тебя там? Покажи.

– Ничего, Герман Робертович, – нагло ответил Дуров, сидевший рядом с Решетом. – Вам показалось. Зуб даю.

Лицо учителя перекошилось от злости. Только что добродушный старичок, рассказывающий о пампасах, в один момент превратился в злобного тролля. Он рванул по проходу между парт и, отбросив в сторону балбеса Дурова, достал из парты дохлую ворону.

– Это что?! – заорал он, брезгливо держа за тонкие лапы несчастную птицу. – Вон из класса!!! Немедленно!

Дуров нагло усмехнулся и вышел, громко хлопнув дверью. Со стены посыпалась штукатурка. Учитель внимательно проследил за ним, прошёл к окну и выбросил в форточку ворону. Со двора тут же раздался крик дворника:

– Так вашу растак! Сейчас главному доложу, всех в карцер закатаю!

Но, подняв голову и увидев там учителя, дворник опешил и замолчал, а учитель вернулся на своё место и, как ни в чём не бывало, продолжил урок. Раздался звонок. Старик исчез вместе с его последними переливами, как его и вовсе не было. Миша остался один на один со своими врагами. Первым нарушил тишину Решето.

– Ну как, не сдох ещё? – нагло заявил он. – По твоей милости в карцер угодил. Сука легавая.

– Сам ты легавый, – парировал Миша, приготовившись к новой драке. – Соссал в карты перекинутся, так и скажи.

– Кто, я?! – Решето уже привстал, чтобы врезать этому наглому сверх меры барчуку, но вовремя опомнился и сел. – Скажи мерси легавым, что тебя пасут, а то бы отправил тебя к твоему Козырю на пару чертей обыгрывать.

Он достал всё ту же колоду и кинул её на парту.

– Покажь, что можешь, – сказал он.

Миша даже не пошевелился.

– Что, слабо? – не унимался Решето. – Фармазон, он и есть фармазон.

– Я просто так не играю, – твёрдо сказал Миша. – Мои условия прежние.

Решето задумался. Драться нельзя, мильтон ему довольно-таки доходчиво это объяснил. А отступать, значит потерять авторитет. Задача.

– Сдавай, – решил Решето.

Миша взял карты и стал их тасовать. Сдал. Решето взял свою карту и глянул на неё.

– Давай. Где наша не пропадала. – Решето протянул руку и буквально выхватил карту у Миши.

Глаза его загорелись.

– Себе, фраер недобитый.

Миша, как и там, на хате, перевернул свою карту. Дама пик. Далее он быстро накидал к ней ещё картинок и объявил:

– Двадцать одно.

Решето побледнел так, что веснушки стали почти чёрными. Он обвёл глазами своих подопечных.

– Играем ещё. Теперь я сдаю.

Он забрал карты, перетасовал их и дал Мише поднять колоду, затем сдал по одной карте. Миша взял ещё, затем ещё и остановился.

– Себе.

Решето на Мишин манер перевернул свою карту. Десятка крестей. Руки банкомёта затряслись. Он кинул ещё карту. Семёрка червей. Решето заелозил на парте. Семнадцать очков очень мало. Это он знал, но риск был большим. Решето плюнул на пол и кинул третью карту. Туз пик.

– Перебор, – объявил Крыса. – Ваши не пляшут. Пардон, мерси, на-ка выкуси.

– Заткнись, паскуда. – Решето, зло сверкнув глазами на Крысу, уставился на Мишу. – И что? Дырку тебе от бублика, а не власть. Ты шулер. Сам говорил.

– Подавись ты своей властью, зануда, – ответил Миша. – Много чести сопливыми шкелами управлять. Вы кроме как на кухне пайку стянуть и дел-то не знаете.

От такого обидного обвинения Решето аж передёрнуло.

– Мы..., да мы вчера у Хромого пятерик стырили. Да мы...

– Засохни, – резко перебил его Миша. – Пятерик они у инвалида стырили. Вот дело, так дело.

– А ты? – встрял тихий с виду паренёк лет пятнадцати с большим рваным шрамом во всю щёку. – Ты чего такого сделал, что комедь тут перед нами ломаешь?

– Чего я сделал, то урки стреляные ведают, да собаки из уголовки. А вам этого знать не положено.

Это было последней каплей, переполнившей терпение ребят, повидавших в своей коротенькой и никому не нужной жизни всякой гадости. Шпана шустро повыскакивала с парт и быть бы Мише снова битому, если бы не Решето.

– Ша, братва! – крикнул он. – Мне легавый такого про этого шкета наговорил, что, похоже, он прав. Мы не суки, фраерок, своих не сдаём, но и ты не шебурши лишка, а если есть у тебя верное дело, то не темни, говори. Вместе пойдём.

– Замётано, – согласился Миша. – Как только время придёт, все узнаете, а сейчас рты позатыкали и молчок. И помните, ветер веет, собаки разносят.

– Чего? – не понял Крыса и тут же получил звонкий подзатыльник.

– Молчи, урод, – проговорил тихий паренёк. – Своих мозгов не нажил, так не лезь в разговор.

Миша запомнил этого серьёзного малого. Он точно сказать не мог, но ему казалось, что тот в избиении Миши не участвовал. А может просто хотел так думать, но парня взял на заметку и в тот же вечер подловил его одного в коридоре.

– Разговор есть, – коротко сказал Миша.

– Есть, так идём, – не удивился паренёк и направился в большую комнату, которую использовали для занятий физкультурой.

Там, как и в любом спортзале висели, стояли и лежали снаряды для занятий. Парень сразу подошёл к гилям.

– Говори, коль пришёл, – сказал парень. – Толковый разговор, так послушаю, а нет, лучше не начинай.

– Тебя как зовут? – спросил Миша.

– Денис, – ответил парень и поднял среднюю гилю. – Здесь меня знают как Шрам. Пояснить надо?

– Нет. И так понятно. Я буду звать тебя Денис.

– Не сомневался. Ты же не как они, не с отбитыми мозгами.

– Да и ты не из компании, – согласился Миша.

– Чего тогда по фене ботаешь? – Денис десятый раз поднял гилю, поставил её на место и посмотрел на Мишу.

– За своего пытаешься сойти? Зря. Они хоть и тупые, но своих за версту чуют. Как звери, хотя они и есть звери. Потому ты и получил по полной. Говори, чего хотел.

– Мне уходить надо. Пойдёшь со мной?

– Кто же зимой в бега подаётся? И куда это ты собрался? Говори, если позвал. Я в тёмную не играю. Это тебе не карты.

– В Питер. Там у меня дом. Его милиция забрала, но там есть вещи, которые мне нужны. Я в долгу не останусь.

– Вещи, говоришь? – Денис прищурился. Шрам на щеке исказился так, что лицо приобрело зловещее выражение. – Вещи – это хорошо. Ты кому говорил об этом кроме меня?

– Нет, – Миша засомневался, что сделал правильный выбор на этом непонятном парне.

– Молодец. А зачем мне рассказал?

– Одному не справиться.

– А ты меня знаешь?

Миша промолчал. Денис засмеялся. Засмеялся как-то снисходительно, как смеются над несмышлёнышами.

– Дурак ты, Миша, – сказал он, погасив улыбку. – Говоришь с первым встречным о деле. А если я убийца? Вот помогу тебе, потом убью и отниму всё. Как тогда?

– Ты не такой, – неуверенно сказал Миша.

– Такой, не такой. Здесь собрали сброд малолетних уголовников. Здесь все такие. Другие у мамки дома сисёку сосут, – Денис подошёл к турнику и стал делать на нём упражнения.

Миша молча наблюдал за ним, ругая себя, что завёл этот разговор. Денис со знанием дела и совсем без натуги сделал несколько подъем-переворотов и красиво соскочил на пол. Занялся гантелями.

– Спортom не желаешь заняться? – неожиданно предложил он. – Здесь кроме меня никто в этом не разбирается, да и не хочет. Идиоты. Спорт – это здоровье и сила. А у тебя данные есть. Чем занимался?

– Французской борьбой, – ответил Миша. – Ты не ответил на мой вопрос.

– Ладно. Если ты настаиваешь, сходим, но только летом. Когда тепло будет. Сейчас околеем где-нибудь в овраге и все дела. Тебе это надо? Мне нет.

– А ты где учился? – поинтересовался Миша.

– Кадетский корпус. Мой отец офицер. Полковник.

– А я в лицее учился. У меня брат полковник. Сейчас воюет где-то.

Денис перестал тягать гантели, положил их на пол и подошёл к Мише. Внимательно посмотрел на него, словно увидел в первый раз.

– А родители?

– Погибли. Все.

– Вот и у меня нет никого. – Денис отвернулся к окну и задумчиво посмотрел в темноту зимней ночи. – Я им никогда не прощу...

– И ты?

– Да! И я!

– Не кричи, услышат.

– Пусть слышат, – уже тише ответил Денис, невольно взглянув на дверь. – Думаю, что это здесь не секрет. Наш корпус разгромили, я чудом жив остался. Из лазарета ихнего сбежал и угодил напрямик к этим тупоголовым. Месяц с ними промотался, пока под облаву не попал. Там меня и опознал один из бывших сослуживцев отца. Продался, сука большевикам. Начальником стал. Сослали сюда. Считай, по знакомству. Ты про Козыря не врал?

– Нет. Его застрелили, а я Боцмана застрелил.

У Дениса лицо вытянулось от удивления.

– Боцмана? – воскликнул он. – Ну, ты даёшь. Не зря тебя милиция пасёт. Только молчи про Боцмана.

– Что так? – не понял Миша.

– Мы под ним ходили. На него половина беспризорников работала. Кто в форточки лазил, кто на стрёме стоял. Ты что, и в карты их обыграл?

– Обыграл, да только кто-то сдал их. Всех там и положили. Один уйти успел, да недалеко. Сейчас в тюрьме сидит.

– А ты ничего шкет, толковый, хоть и из лица. Только помни мои слова. Никому не доверяй. Понял? Никому.

С тех пор жизнь Миши в приюте немного наладилась. Днём учились, вечером с Денисом занимались спортом. Миша учил Дениса борьбе, а Денис Мишу жизни. Решето на них смотрел искоса, но не трогал. Толи боялся, толи слово своё держал, а скорее всего, ждал Мишиного обещания. Но события внесли некоторую коррективу в планы беспризорников. Сбежал из тюрьмы Юра Вьюн и в приют приехал Сиверцев.

– Запомни, Миша, твоя судьба сейчас в твоих руках, – сказал он, вызвав Мишу в кабинет заведующего. – Мы, конечно, присмотрим за тобой, но Вьюн человек опытный и жестокий. Он, скорее всего уже знает про золото и будет искать тебя. Будь начеку. Наш человек, товарищ Власов предупреждён. Если что, обращай к нему.

Сиверцев уехал, а Миша весь вечер просидел один в классе.

– Будет искать, – думал он. – Это что получается? Он меня найдёт, а они его? Как на живца? Нет, граждане, так не пойдёт. Им моя жизнь без надобности, как и Юре. Все только золото хотят заполучить. Пора уходить. А Денис? Может его с собой взять? Хотя... Никому не доверяй. Его слова. Нет. Уходить надо одному.

Глава 9.

Побег.

Метель разыгралась не на шутку, да и вообще подобные явления в средней полосе вещь непредсказуемая и опасная. Ещё вечером с неба стали срываться белые комочки снега. Вначале они легко ложились на высокие сугробы, поднимая их всё выше и выше, затем закружились в воздухе, а вскоре летели с ужасной скоростью, ни на секунду не задерживаясь на одном месте. В один миг сдуло все свежие сугробы за забором и забросило их чёрт знает куда. В печных трубах монотонно выла непогода, словно жалуясь на свою в конец задрипанную судьбинушку. Даже приютский дворняга Гаврош забился в конуру и носа оттуда не показывал. Приют после трудового дня привычно разошёлся по своим норкам и залёг в кровати, слушая разбушевавшуюся за стеной стихию.

Пропажу заметили только утром за завтраком.

– Назар Григорьевич, Таркова нигде нет, – в кабинет заведующего вбежала Лариса Владимировна. – Одежды тоже нет.

Заведующий поднял голову и сердито посмотрел на учительницу. Подумал, затем с силой ударил кулаком по столу.

– Сбежал, сукин сын! А где этот, Власов? Куда он смотрел!?

– Так кто знал, что он побежит в такую погоду? – испуганно пробормотала учительница.

Милиционер Власов, молодой и весьма симпатичный парень в эту, да и не только в эту ночь мирно спал в постели всё той же Ларисы Владимировны и ни о какой такой бдительности даже и не думал. За то время, что он тут обитал в роли соглядата, совмещая для конспирации с должностью завхоза, Власов уверовал, что подопечный никуда не денется и, вовсе потерял эту самую бдительность. От нечего делать он всеми днями ухлёстывал за смазливой учительницей, в чём и добился небывалых успехов.

Назар Григорьевич, взбешённый такой новостью, вылетел из кабинета и нос к носу столкнулся с Власовым.

– Что собираетесь предпринять, молодой человек?

– До города десять вёрст. По такой погоде он мог и не дойти, – быстро заговорил Власов. – Мне нужна лошадь.

Из-за плеча заведующего испуганно выглядывала Лариса Владимировна. Власов покоился на неё и уставился на Назара Григорьевича.

– Нужна, так берите! – вспылil тот. – Чего ждёте?! Мальчишка отчаянный. Если замёрз, вы и ответите.

Власов кивнул головой и кинулся по коридору к выходу.

Искали весь день. Всем приютом мотались по заметённой дороге и её окрестностям, но так ничего и не нашли.

А Миша в это время сидел под мостом и отогревался возле чахлого костерка, разведённого в пустой берлоге. Но промёрзшая насквозь берлога не согревала, а наоборот, отнимала

оставшееся тепло. После новости о бегстве Вьюна он, не раздумывая решился на побег. Его не пугала ни метель, ни сугробы. Хуже того, он специально дождался такой круговерти, что бы уж наверняка не нашли. Шёл он почти всю ночь, кутаясь в украденный тулуп сторожа, и только чудом не сбился с пути и не замёрз. Пройдя из последних сил город, уже на рассвете Миша добрался до берлоги. Первым делом он проверил саквояж. Всё было на месте. Он достал ледяной револьвер и сунул его за пазуху. Подумал и взял с собой пригоршню золотых монет. Остальное положил на место. Что делать дальше, Миша представлял себе с трудом. Он положил стулья и развёл костёр. Стало немного теплее. Вынул запасённую корку хлеба и немного подкрепился.

– На вокзал нельзя, – размышлял он. – Первым делом начнут искать там. Здесь тоже опасно. Берлогу знают... Малина. Точно. Туда не сунутся.

Миша убрал остаток краяхи, затоптал костерок и вышел. Метель всё ещё кружила над городом. Знакомой тропой, занесённой снегом, он заспешил в тот самый дом, куда его когда-то привёл Юра. Зашёл с огорода, с трудом пробираясь по сугробам. Огляделся. Тихо. Перед крыльцом следов нет. Двери были не заперты. Он осторожно зашёл в коридор. Постоял, прислушиваясь к вою ветра, затем проскользнул в комнату. Там стоял полумрак. Ничего не изменилось с тех пор, когда здесь была перестрелка. Валялась мебель, мусор. Пахло котами и сырость. Миша содрогнулся от холода и воспоминаний. Подошёл к окну. Сзади слышались осторожные шаги. У Миши по спине поползли мурашки.

– Я знал, что ты сюда придёшь, – раздался знакомый голос. – Ну, здорово, шкет.

– Здорово, Вьюн, – как можно спокойно ответил Миша, не поворачивая головы. – Узнал, что ты сбежал и пришёл.

– А что, в приюте плохо кормят? Или воли захотел? Или что?

– Моя воля всегда со мной, – сказал Миша. – Где моя доля, Юра? Я за ней пришёл.

– Ты чего, шкет? – в голосе Вьюна слышались злость и некая растерянность. – Ты же её... Или...

– Вот именно, – Миша повернулся к Вьюну. – Или. Карточный долг нужно вернуть. Ты законы знаешь.

Тот стоял в тёплом пальто и меховой шапке. В руке у него был зажат револьвер.

– Так ты не со мной играл, а с Боцманом, – заговорил Вьюн, напряжённо думая о своём. – С Боцмана и спрашивай.

– Ты меня сюда привёл, значит, ты за всё в ответе, – сурово, как приговор, произнёс Миша, сунув руки в карманы и нащупывая там револьвер.

– Хитришь, шкет, – неуверенно сказал Вьюн и опустил руку с оружием.

Достал папиросы, закурил. Прошёлся по комнате. Подошёл к окну и заглянул в него. Там по холодной и неприветливой улице, низко опустив голову, печально, словно на казнь, брела лохматая собака. Это было последнее, что увидел в этой жизни вор Юра по кличке Вьюн. Прогремел выстрел, затем второй. Вьюн дёрнулся, судорожно схватился за подоконник и медленно сполз на пол. Собака на улице на один момент подняла несчастную морду и тут же кинулась прочь со всех своих собачьих лап.

– Как со мной, так и я с вами, – прошептал Миша и вышел из дома.

В кабинете Сиверцева было накурено так, что бесспорно мигала керосиновая лампа по кличке "Летучая мышь". Свет в городе последнее время периодически отключали. Буран порвал провода, а чинить, как всегда, было некому. Половина персонала ушла на фронт, остальная часть просто разбежалась. Новички, набранные из случайных рабочих в электричестве ровным счётом, ничего не понимали и больше ломали, чем чинили, то и дело дёргаясь от разрядов тока. Обывателям и учреждениям приходилось обходиться керосиновыми лампами. Кроме Сиверцева там сидел Колесников и Дятлов, помощник Сиверцева, мужик из старой партийной гвардии. Дятлов бывал и в тюрьмах, и в ссылках. Даже бежать приходилось не раз.

Он был послан от партии большевиков на борьбу с бандитизмом. Семьи у него не было, и все свои недюжинные силы он отдавал работе.

– Это ваша вина, товарищ Сиверцев, что Тарков сбежал, – нервно постукивая пальцами по столу, говорил Дятлов. – Не надо было говорить ему о побеге Вьюна. С ваших слов этот мальчик обладает сильным характером и острым умом. Он понял, что вы его решили использовать как наживку, но при этом забыли, что он не простой беспризорник с посёлка. Он князь. Помимо того, что я сказал, у него ещё есть честь. Поверьте, Игнат Борисович, я таких повидал на своём веку. Такие не ломаются. Они лучше смерть примут, чем будут нам помогать.

– Отчаянный мальчишка, – задумчиво произнёс Сиверцев. – Прекрасно понимал, что мы про их место под мостом знаем, а всё-таки пошёл туда.

– Вы думаете, это он там был? – спросил Колесников.

– Он, – уверенно сказал Сиверцев. – Вьюна ждал, даже костерок запалил, а когда понял, куда придёт Вьюн, ушёл. Это он Жилина застрелил. Всё точно рассчитал. Хотя, это могло быть и простым совпадением. В любом случае он нас обхитрил. Теперь ищи ветра в поле.

– И куда, думаете, он направится? – Спросил Колесников.

– Не знаю, Рома, ох, не знаю. У него здесь никого нет, – ответил Сиверцев, закуривая новую папиросу от старой. – В Питер ему самое место уехать, но он не поедет.

– Почему? – спросил Дятлов.

– Он знает, что его на вокзалах и в поездах искать будут. Потому и не поедет.

– Не поедет... Не поедет... – Задумался Дятлов и, вдруг вскинул на Сиверцева встревоженный взгляд. – А зачем Жилин вообще пошёл в этот дом? Что он там забыл?

Сиверцев не ответил. Дятлов продолжил:

– Сами подумайте, какого рожна ему там надо было? А?

– Не тяни, Семён, – рассердился Сиверцев. – Что за манеру взял, ей богу. Сам понял и не говорит. Тянет жилы, аж тошно становится. Говори!

– Жилин точно знал, что Тарков унёс золото.

– Откуда узнал? – спросил Колесников.

– И не только это, – продолжил Дятлов, не обращая внимания на Колесникова. – Он узнал, что Тарков сбежал. Поэтому и пришёл в дом. Такой ход событий тебя устраивает, Игнат Борисович?

Сиверцев подумал, помял папиросу в пальцах, обжёгся и сказал:

– Допустим. Но ты не всё сказал. Рома правильно спросил. Откуда он узнал?

– А ты не понял? – Хитро прищурился Дятлов.

– Хочешь сказать у Жилина свой человек в милиции?

– В точку, – Дятлов поднял вверх указательный палец, – В самую суть вопроса смотришь, товарищ Сиверцев.

– Чушь. Пустая болтовня, – махнул рукой Сиверцев. – Не может быть.

– Может, Игнат, ещё как может. Мы работаем с тобой без году неделя. Не всё у нас ещё налажено. С одной стороны мы гоняемся за преступниками, а с другой преступники следят за нами. Думаешь, все устоят перед соблазном денег? Чёрта с два. Такой куш на горизонте замаячил, что голову враз сносит. Такое раз в жизни бывает.

– Ну, что же, убедил, – сказал Сиверцев. – Подведём итоги, товарищи. Что мы имеем? Пропавшее золото можно найти только через Таркова. Тарков в бегах. Вывод. Будем искать Таркова. И ещё. С сегодняшнего дня все планы операции будем знать только мы. А о предателе я подумаю. Он, скорее всего, тоже будет пытаться найти мальчишку. В одном я ошибся. Не сообщил о парне Краснову. Ну да теперь уже поздно.

– Согласен, – сказал Дятлов. – Добавлю ещё только одно. Предатель будет интересоваться ходом поисков. Проявлять, так сказать, интерес.

– Верно, Семён, – согласился Синельников. – Ну, что же, товарищи, за работу.

Миша шёл по городу, подняв воротник и прикрывая лицо рукой. Дул холодный ветер, гоняя снежную пыль по ледяной мостовой. Миша шёл и присматривался к домам, к оставшимся магазинам. Несмотря на непогоду, по улицам сновали прохожие, кутаясь, кто во что горазд. Нередко попадались беспризорники. Их Миша определял безошибочно. И не только по одежде. По взгляду. У них был особенный взгляд. Так смотрят бездомные собаки в поисках какой-нибудь корочки хлеба или добела обглоданной косточки. Связываться с этим ненадёжным племенем Миша уже не хотел и обходил их стороной. Что он искал в этом незнакомом, чужом и неприветливом городе, он пока и сам не знал. Надеялся больше на интуицию, нежели на здравый расчёт. Вот он миновал ещё один магазин с женской одеждой на витрине и остановился.

– То, что нужно, – понял он. – Эти пинкертонские красные ищут мальчишку. А я... Так и в поезд можно сесть. А куда? К брату, больше некуда. Надо монеты продать. Так, где тут рынок?

Миша остановил старушку, бредущую неизвестно куда с корзинкой в дряхлых бессильных руках. Та клюкой указала в конец улицы, объяснила, как пройти на рынок. Миша заспешил. День уже перевалил за вторую половину, и скоро должно было уже начать темнеть. Пройдя рынок вдоль и поперёк, он, имея уже некоторый опыт в структуре рыночной жизни, выделил из всех торгашей несколько человек, торгующих явно совсем никому не нужным хламом. Встал неподалёку и стал наблюдать. К торгашам иногда подходили люди, но ничего не покупали. Обменивались несколькими фразами и расходились. Двоих он отбросил сразу, а вот одного оставил. Прошло около часа. Рынок стал потихоньку сворачиваться. Засобирался и этот человек. На вид ему было лет сорок. Одет более, менее прилично. Миша подождал, когда тот отойдёт подальше от рынка и, поравнявшись с ним, тихо спросил:

– Товаром не интересуетесь?

Тот покосился на незнакомую юношу и ничего не ответил, продолжая брести по улице.

– Есть хорошее предложение, – не отставал Миша.

Торговец встал и повернулся.

– Тебе чего, пацан, валенки жмут?

– Почему? – не понял Миша.

– А что ещё с тебя взять? – усмехнулся торговец.

– Я же говорю, товар есть, – повторил Миша.

Торговец долго смотрел на него совершенно ничего не выражающими глазами, и, приняв решение, сказал:

– Шагай за мной, там посмотрим.

Торговец отвернулся и пошёл дальше. Миша остался на месте. Пройдя немного, торговец остановился. Миша подошёл к нему.

– Никуда я не пойду. Расчёт прямо здесь. – Жёстко сказал Миша.

– А ты вообще кто такой? – спросил торговец.

– Прохожий, – ответил Миша и, отвернувшись в сторону, мельком показал торговцу пару золотых червонцев.

– Откуда такое счастье?

– Наследство, – коротко ответил Миша. – Так берёшь?

– У меня нет с собой столько денег. Дома есть. Идём?

– Идём. Только без шуток.

– Какие могут быть шуточки в наше время? – усмехнулся торговец.

– Могут. Именно в наше время. Идём.

На следующей улице торговец свернул во двор и зашёл в подъезд. Миша следом. Пахло котами, керосином и подгорелой кашей. На лестнице медленно таял грязный снег. Поднялись на второй этаж и вошли в квартиру. Миша сразу понял, что попал по адресу. Квартира больше

напоминала ломбард, чем жилое помещение. Картины, вазы, бесчисленное количество статуэток заполняло всё пространство комнат и коридора.

– Жди, я сейчас.

Виляя по узкому тоннелю как по лабиринту, торговец исчез в комнате. Миша остался ждать его у дверей. Послышались голоса.

– В квартире кто-то есть, – подумал Миша и сжал в кармане рукоять револьвера.

Вскоре появился торговец, а с ним прилично одетый наголо бритый мужчина средних лет. Мужчина внимательно осмотрел Мишу.

– Покажи, что у тебя есть, – сказал он.

– Нет, – ответил Миша, – Сначала вы покажите деньги. Товар против денег.

– Хорошо.

Мужчина достал из кармана пачку денег.

– Достаточно? – спросил он.

– Вполне, – ответил Миша, прикидывая, сколько у того денег и сколько показывать товара.

Он наощупь набрал в руку несколько монет и пару колец.

– Ого, – вскинул брови лысый. – Наследство, говоришь?

– Вам какая разница, – рассердился Миша. – Желаете брать, так берите. Нет, разбежимся.

– А ты парень не горячись. Больно уж ты шустрый. Товар надо проверить. – Лысый протянул руку.

Миша дал ему одну монету и кольцо. Тот стал крутить золото в толстых, коротких как обрубки пальцев. Поцокал языком.

– Пойдёт. Давай всё, я не обману, – сказал он.

Миша отдал. Он видел, как загорелись глаза у обоих торгашей и как они быстро переглянулись. Миша взвёл курок.

– А теперь, парень, чеши отсюда, пока я добрый, – лысый сунул золото в карман. – Живо! Наследнички. Боря, покажи товарищу выход.

Торгаш направился было к Мише, но тут же встал как вкопанный, открыв от страха рот. Ствол револьвера смотрел прямо в их сторону. Раздался выстрел, и лысый рухнул на пол. Торгаш в страхе, глядя на Мишу выпученными до предела глазами, попятился.

– Не надо, я всё отдам, – пролепетал он. – Только не стреляй.

– Мне очень жаль, но я свидетелей не оставляю.

Торгаш упал рядом с лысым. Миша забрал своё золото, все деньги, что нашёл в карманах торгашей и спокойно вышел из дома. Ему не было жаль этих убогих, как он считал, спекулянтов, наживающих состояние на горе народа. Миша повторял про себя уже ставшую привычной и успокаивающей фразу:

– Как со мной, так и я с вами...

День только начинался, когда от перрона московского вокзала отошёл пассажирский поезд, набитый неугомонными пассажирами и всевозможной поклажей до самых верхних полок. Народ кое-как утрамбовался, успокоился и замер в ожидании отправления. Наконец, колёса паровоза поскребли немного стальные рельсы и потащили перегруженный состав на юг, в самое что ни на есть пекло гражданской войны.

Глава 7.

Махно и красные отряды.

У окна, скромно сложив руки на колени, сидела симпатичная девчонка и внимательно рассматривала уходящий перрон. Но, вот исчез вокзал, складские помещения и поезд вырвался на просторы России. Замелькали поля, леса и мелкие деревеньки, засыпанные снегом по

самые окошки. Девчонка расслабилась, откинулась на спинку жёсткого дивана и закрыла глаза. Неугомонные соседи повели нудные и бестолковые дорожные разговоры о ценах, большевиках и о Деникине. Последний вызывал наибольший интерес, так как его армия была ещё очень сильна и популярна. Девчонка слушала вполуха этот вагонный трёп, пока не заснула.

На третьи сутки пути, в каком-то захолустном украинском городишке поезд встал и дальше идти категорически отказывался. Впереди шли бои. Как такового фронта не было. Городишко уже несколько раз за последнюю неделю переходил из рук в руки. Над бывшей управой не успевали менять флаги. Доходило до того, что под императорским стягом заседали красные командиры и строили планы по разгрому всех, кто не признавал советской власти. А таких в округе было предостаточно. Основным противником, конечно, была белая армия. Кроме неё по лесам шныряли бесчисленные банды самостийных атаманов, а по соседству качалась то вправо, то влево лихая, а потому такая привлекательная армия батьки Махно.

Девчонка вышла из вагона, огляделась, направилась вдоль перрона к баракам и там пропала из вида. Вскоре оттуда в обратном направлении вышел паренёк и отправился в город. Это был Миша. В Москве он рассудил правильно. Искали парня, не обращая никакого внимания на девчонок. Этим он и воспользовался. Город, в который он прибыл, в этот шальной период был наполнен войсками доблестной красной армии.

– До брата рукой подать, но как? – бродя по городу, размышлял Миша. – Лошадь что ли купить? Так не доеду. На таком морозе и замёрзнуть недолго. Ещё пристукнуть могут. А это что? Никак штаб.

Возле двухэтажного дома без конца сновали военные. У коновязи стояла целая вереница коней. Миша подошёл поближе.

– Завтра наступаем, – услышал он разговор двух военных, дымивших махоркой у крыльца штаба. – Митрофанову скажи, чтобы он, сукин сын снова фортель не выкинул. Уж больно горазд стал самогон хлестать. Ежели снова на рогах будет, расстреляю как саботажника. По всей строгости военного времени. Так и передай ему.

– Так ведь спокойно вроде. Какое ещё наступление?

– Шкуро наших покровсал. Вёрст с десяток отселе. Отчаянный стервец. По нашим тылам идёт. Если сейчас не урезонить его, то завтра он нас из города выкинет к чертям собачьим.

Миша, не придумав ничего стоящего, решил действовать напролом.

– Товарищ командир, – вытянувшись на манер бывалого вояки, гаркнул Миша. – Разрешите мне тоже пойти с вами.

Военные от такой бравადы сначала удивлённо оглядели странного малого, потом дружно рассмеялись.

– А ты у мамки разрешение спросил? – кинув окурок в сугроб, поинтересовался военный. – И откуда ты такой храбрый взялся возле важного военного объекта?

– У меня всю семью бандиты сожгли. Отомстить кроме меня некому, – Миша сунул по привычке руки в карманы и со злостью посмотрел на красных.

Холодная сталь нагана придала ему уверенности.

– Вы возьмёте меня с собой? – продолжил он. – Иначе я сам пойду.

– Шёл бы ты хлопец отседова, – ответил второй военный. – Много вас таких сейчас бродит. А отомстить мы и сами за тебя отомстим.

– Вы за кого тут мстить собрались? – на крыльце стоял крепкий и ладный человек в полушубке и бараньей папахе. – Майданников, я тебя куда послал? И ты Прохоров чего тут лясы точишь? В ротах бардак бардаком, а они тут прохлаждаются.

Военные козырнули и тут же исчезли за углом штаба.

– Я командир дивизии. Зовут меня Василий Кузьмич. Жаров, – представился командир Мише. – А тебя как зовут?

– Миша, – ответил Миша. – Шумилов.

– С нами идти хочешь?

– Хочу.

– Ты когда последний раз ел? – неожиданно спросил Жаров.

Миша смутился. Он и сам точно не помнил когда. Последнее время не до этого было, а запасов с собой он не имел. Так, перебивался случайными покупками у торговков.

– Понятно, – не дожидаясь ответа, проговорил Жаров. – Идём со мной. Там и обсудим твоё дальнейшее положение. Заодно и пообедаем.

В кабинете Жаров сбросил на стул одежду, папаху и сел за стол. Миша тоже разделся.

– Присаживайся. В ногах правды нет, – кивнув на стул, пригласил Жаров. – Топорков!

В дверь заглянул молодой румяный порученец.

– Сооруди нам на двоих что-нибудь поесть, – распорядился командир и достал пачку папирос. – Рассказывай, Миша, как ты здесь оказался и откуда? Ты ведь не местный?

– Нет, – не стал скрывать Миша. Он уже знал, что лучше всегда говорить правду, но не всю. – Я из Петербурга.

– Вот как. Далековато.

– Мы были в имении, – продолжил Миша. – В своём имении. Вечером напали бандиты. Я успел сбежать. Сел на поезд и вот я здесь.

Жаров подымил папирсой, глядя в замёрзшее окно, постучал пальцами по столу.

– Коротко и ясно, – наконец, ответил он. – Твои родители дворяне, судя по твоему рассказу. Чем они занимались?

– Папа занимался торговлей.

– Торговлей, – задумчиво повторил Жаров. – А ты знаешь, за что мы воюем и с против кого?

– Знаю.

– И все равно пришёл к нам?

– Пришёл. Вы же за порядок и против бандитов.

– Правильно. Но мы и против эксплуататоров. Это как?

– Я знаю. Много дворян сейчас воюет за советскую власть. Ленин ведь тоже дворянин. – Миша раскраснелся и говорил уверенно, чётко продумывая ответы.

– Тоже, верно, – улынулся Жаров. – Убедил. Хорошо. Деваться тебе всё равно некуда. Пропадёшь в такой круговерти ни за что, а паренёк ты серьёзный. Будешь пока при мне, а там посмотрим. Топорков! Ты долго там?

Дверь открылась, и на пороге появился порученец с двумя котелками в руках.

– Дык товарищ командир. Пока то, да сё, – поставив на стол котелки, оправдывался Топорков.

– То, да сё, – передразнил Жаров Топоркова. – Как я учил тебя докладывать? Забыл? Не у тёщи на блинах, в армии находишься.

– Есть, товарищ командир, – вытянулся порученец. – Дык я пойду?

Жаров только махнул рукой на бестолкового красноармейца и вынул из стола две ложки.

– Вот видишь, Миша, с кем воевать приходится. Одни лясы во дворе точат вместо службы, другой никак из деревенского пастуха не вылезет. А завтра в бой. Дисциплина должна быть железной. Именно железной. Иначе не победить. Ты ешь, Миша, ешь, – орудуя ложкой, рассуждал Жаров. – Я в прошлом приказчиком у купца состоял. Потом война, школа прапорщиков. Так что давно воюю и эту самую военную науку изнутри знаю. Беда наша, Миша, что мало у нас кадровых военных ещё. Учимся на ходу, в бою. Потому и ошибок много делаем, а это недопустимо. Каждая ошибка стоит многих человеческих жизней. Судьба государства на кону. Потому проиграть мы не можем, не имеем на это права. Ты понимаешь меня?

Миша кивнул головой. Этот простоватый на вид командир нравился ему. Почему, он пока не знал, но нравился. Может потому, что принял его без всякой корысти. Просто принял

и всё. Не пожалел, как остальные, а именно поверил. Миша с удовольствием слушал Жарова, и ему было стыдно, что он обманывает человека, готового помочь ему. Но рассказать правду он не мог. Слишком много натворил за последнее время, чтобы надеяться на прощение.

После обеда Миша до самого вечера ходил за командиром как привязанный. Вначале они обошли город и проверили каждое подразделение, затем долго сидели в кабинете, куда набились командиры и обсуждали завтрашнее наступление. Миша долго слушал их, пока не заснул. Проснулся он уже утром следующего дня в кровати. В комнате, куда перенёс его Жаров, было прохладно. Со двора доносились крики людей. Миша быстро оделся и выглянул в окно. Вся улица была заполнена конными и пешими солдатами.

– Проспал, – расстроился Миша, – Вот чёрт, так и оставить могут. Жди потом подходящего случая.

Миша вылетел на улицу и чуть не сбил стоящего на крыльце порученца Топоркова.

– Полегче, так и зашибить недолго, – заорал Топорков.

– А где командир? – спросил Миша, шаря глазами по рядам конников.

– Там, в штабе, – удивился Топорков. – Ты что, не видел его?

– Я думал он здесь, – растерянно ответил Миша.

Дверь открылась, и вышел Жаров. Увидев Мишу, он остановился, на секунду задумался и, обернувшись к простоватому на вид порученцу, приказал:

– Топорков! Присмотри за парнем.

– Дык присмотрю, товарищ командир, – преданно, как-то совсем по-собачьи, захлопал глазами порученец. – Куды он денется.

– Ещё раз дыкнешь, накажу, – машинально проговорил Жаров, осматривая строй.

Он шагнул к коновязи и, подойдя к гнедому жеребцу, вскочил на него, по-хозяйски устроился в седле, поправил шашку и дёрнул повод.

– А мы? – спросил Миша.

– У нас с тобой другой транспорт, – лениво ответил Топорков, широко зевнул и сошёл с крыльца. – Вон он дармоед. Всё сено сожрал. Топерь не разгонится. Отяжелел.

В конце коновязи одиноко стояла лошадь, запряжённая в сани, и мирно жевала сено. Вид у лошади был такой домашний и мирный, что у Миши от обиды навернулись слёзы на глаза. Топорков подошёл к коновязи, привычно поправил солому в санях и снова зашёл в штаб, велел Мише ждать его здесь. Миша остался. Он посмотрел вокруг. Никого. Тогда решительно подошёл к лошади и быстро распряг её. Лошадь стояла смирно, словно это к ней совсем не относилось, искоса следя большими слезящимися глазами за проделками шустрого парнишки. И только когда Миша запрыгнул на неё, взволнованно заперебирала копытами, догадавшись о замыслах непрошенного гостя.

– Тихо, не шали, а то на колбасу отправлю, – оглядываясь по сторонам, прошептал Миша. – Не подведи, родная. Но пошла.

– Стой! Куда?! – Топорков выскочил из штаба, рванул следом за Мишей, но тут же запнулся и растянулся на дороге, беспомощно забарахтался в сугробе. – Стой! Стрелять буду!

– Ты сначала копыта отряхни, вояка! – крикнул Миша и, что есть силы, воткнул сапоги в сытые бока лошади.

Внутри клячи что-то утробно ёкнуло, и она дала такую свечку, что Миша чудом удержался на её широкой крестьянской спине, а потом неожиданно пошла бодрым налётом вдоль покосившихся от старости домов этого дряхлого захолустья, спрятанного на окраине бывшей империи.

За городом студёный ветерок враз охладил не в меру разгорячившегося всадника. Миша поднял воротник и пустил лошадь по следу дивизии. Снег был перепахан так, что местами просматривалась промёрзшая напроць чёрная земля. Жаров успел уйти далеко. Во всяком случае, их нигде не было видно, а местность этим ясным морозным утром просматривалась аж

до самого горизонта. Миша, не сбавляя темпа, скакал по оставленной дивизии снеговой каше и до боли в глазах всматривался в мелькавшую за лохматой гривой белую даль. Кляча, как ни странно, показала былую резвость и шла уверенно вперёд, выбрасывая из-под копыт комья снега. Миша стал понемногу сбавлять темп скачки, боясь, что при таком раскладе доходяги на долго не хватит, а оставаться без транспорта в этой неприветливой степи он совсем не хотел.

Так они проскакали почти час, пока справа не появился лес. Дивизия, судя по следам, дальше пошла по кромке леса, подминая попадающийся по пути разномастный кустарник и цепляя ветки деревьев. В одном месте Миша увидел оброненную шапку с красной звездой, в другом вязанную варежку.

– Торопятся, – подумал Миша. – Интересно, долго ещё? Холод здесь совсем собачий. Надо было тулуп из саней взять. Так и околеть недолго.

– Стоять!

Миша от неожиданности пригнулся к холке коня и резко обернулся. Сзади из леса к нему спешили всадники. Человек пять. Миша хотел было прибавить ходу, но лошадь по всей видимости исчерпала свой небольшой ресурс резвости и неожиданно встала.

– Не торопись, паря. Приехали.

Удила Мишиной лошади ловко подхватил одной рукой пожилой здоровенный мужик на высоком гнедом жеребце. Во второй руке у него была шашка. Миша хотел было достать револьвер, но пятеро всадников уже обступили его. У всех было оружие. У кого обрез, у кого наган. На красноармейцев эти граждане похожи явно не были. Одеты добротно, но всяк на свой манер. Кони тоже были ухоженные, здоровые, не чета Мишиному одру. Но больше всего их выдавали глаза. Не солдатские, готовые выполнить любой приказ командира и покорно отправиться чёрте куда и чёрте зачем, а какие-то шальные, дюже вольные и наотмашь лихие. Таких глаз в регулярных армиях уж точно не было и эти ребята если и пойдут в бой, то только по обоюдному согласию и не без личной выгоды.

– Бандиты, – первое, что пришло на ум Мише. – Вот вляпался, так вляпался.

– Откуда и куда? – коротко спросил тот, что держал лошадь.

– Туда, – неопределённо махнул рукой Миша.

– Харитон, чего ты к парнишке пристал? – подъехал поближе один из конников. Мужик с длинной бородой в новом, но уже порядком драном огромном тулупе и такой же объёмной мохнатой шапке. – Пусть едет. Батка велел красного взять, а это дитё неразумное.

– Дитё, говоришь? – зло сверкнув глазами на мужика, прорычал Харитон. – Сейчас посмотрим, чего это он к карману всё время дёргается. А ну, пазволь.

Он ловко швырнул шашку в ножны и мигом обшарил Мишу.

– А ты говоришь дитё, – в руке Харитона сверкнул Мишин револьвер. – Забыл, как такие вот дитятки позавчера чуть батьку не пристрелили? Лёвка, Гришка, ведите его прямо к батьке. В случае чего, шлёпните. А мы ещё по округе порыскаем. Могёт быть, что этот хлопец тут не один шляется. Красные только что прошли. Ухи надоть держать остро, а то такие вот хлопчики их в один момент поотрубить могут. Оч-чень даже просто. За мной!!!

Двое, включая бородатого дядьку, захватив Мишину лошадь, поскакали прямо по лесу. Миша только успевал нагибаться от веток. Скакали долго. Он совсем было замёрз, когда лес неожиданно закончился, и за глубоким оврагом показалось село. В центре села стояла шикарная церковь с высокой колокольной. Церковь по всему периметру окружал высокий кирпичный забор со стальными прутьями. Село, по всему виду, было богатое. Много домов в два этажа окружал добротный дощатый забор. За заборами гремели пудовыми цепями мощные кобели, оберегая хозяйское добро. В селе жизнь кипела. Причём весёлая и разухабистая. Гуляли пьяные в усмерть мужики. Слышались визги таких же пьяных баб. Тут и там играли гармошки, в одном открытом окне торчала патефонная труба и орала густым шалашинским басом на всю округу про сатану и всякую такую непотребную канитель. Мишу подвели к большому дому в

центре села, сняли с лошади и повели к крыльцу. Над крыльцом дома болтался большой чёрный флаг с намалёванным белым черепом, покоящемся на перекрещённых, добела обглоданных костях. Путь в дом преградил высокий парень с винтовкой наперевес.

– Куда прёшь, харя неумытая! – заорал он. – Батька отдыхать изволють.

– Один? – спросил Лёвка, проигнорировав слова парня.

– Один.

– Плохо, – проговорил Лёвка. – Опять батька не в духе. Зарубить могёт. Потом приведем...

– Кого поймали? – из раскрытого окна высунулась сердитая лохматая голова. – Веди!

Голова исчезла, и створки окна захлопнулись.

– Ну, парень, не в добрый час ты здесь оказался, – сказал Лёвка и толкнул Мишу в дверь.

В чисто убранной большой комнате посреди пола стоял огромный стол, покрытый разноцветной скатертью. На столе стояла разнокалиберная посуда, наполненная всевозможной едой. Тут были и солёные огурцы, без которых на Руси не обходилось не одно застолье, и варёное мясо, блины, картошка с капустой. Даже маринованные грибочки лежали на тарелке как игрушки с новогодней ёлки. И, конечно, традиционные куры в глубокой миске задирали свои голые коленки к белому высокому потолку. Возле всего этого богатства одиноко стоял маленький человек в полувоенном френче, перекрещённом новенькими ремнями и колючими, пронизывающими насквозь глазами смотрел на вошедших.

– Вот, батька, хлопца на опушке споймали, – доложил Лёвка.

– И на что вы его ко мне привели? – тихо спросил батька, потом вдруг ни с того ни с сего страшно выкатил глаза и заорал. – Я кого вам велел поймать?! А вы кого мне тут суёте?!

Батька в гневе пнул стул и так треснул по столу кулаком, что посуда задребезжала. Лёвка в момент пригнулся, словно от пули, и быстро залепетал:

– Он за красными шёл, а в кармане револьвер нашли. Вот.

Лёвка осторожно вынул Мишин револьвер и положил его на край стола, а сам предусмотрительно встал возле двери, ухватившись за скобу, как за спасательный круг. Батька успокоился так же быстро, как и разозлился. Словно детский резиновый шарик сдулся. Он взял в руку револьвер, осмотрел его и снова положил на стол.

– Твой? – спросил он Мишу, сверля его глазами.

– Мой, – ответил тот.

– Зачем?

– Стрелять всех, кто меня убить захочет, – просто ответил Миша.

Батька уже с интересом посмотрел на Мишу.

– Всех? – переспросил он.

– Всех, – ответил Миша.

– Знаешь, кто я?

– Нет, не знаю.

– Я комбриг батько Махно. Слышал?

Миша что-то слышал в поезде о вольном анархисте Махно, о его государстве, но так, мельком и ничегошеньки не запомнил, о чём сейчас очень пожалел. Помнил только то, что там вольготно живётся всем, кто не признаёт никакой власти и всё. Так, во всяком случае, рассказывали в купе мужики. Некоторые восхищались отчаянным атаманом, некоторые откровенно боялись. Остальные ругали на чём свет стоит и упорно называли его лиходеем. Но соваться к нему одинаково не хотел никто.

– Вы анархист, – ответил Миша. – Слышал, но мало.

– Сословие? – коротко спросил Махно.

– Князь. Тарков Михаил, – так же коротко ответил Миша.

– А тут как оказался?

- Брата ищу.
- У Жарова?
- У Деникина. Заплутал немного.

– Да, твоему брату у Жарова делать нечего, – задумчиво произнёс Махно. – Лёвка, выйди отсель и никого ко мне не пускай.

Тот облегчённо вздохнул и исчез за дверью, словно растворился. Батка постоял немного, покачал головой и неожиданно предложил:

- Есть хочешь?

Миша не стал привередничать и кивнул. Последнее время ему все наперебой предлагали еду, словно именно за ней приехал в такую даль Миша.

– Ладно хоть пока кормят, а не расстреливают, – подумал он. – Если предлагают поесть, то последнее мне не грозит. Надеюсь.

- Садись. Перекусим, чем бог послал. Пьёшь?

- Нет, – садясь на стул, ответил Миша.

– Правильно. Я тоже не люблю. Эти, – Махно кивнул головой на дверь, – пьют все, что горит. Хоть расстреливай. Ты ешь, не стесняйся. У нас просто. Хочешь, бери, не хочешь, не бери.

За едой Махно молчал. Ел он, не торопясь, запивая каждый раз компотом из кружки. Ел и о чем-то сосредоточенно думал. Миша последовал совету батки и брал всё, что на него смотрело без особого разбора. Приготовлено было со вкусом. Миша ел с удовольствием.

– Этот вояка тоже думает, как меня использовать, – размышлял Миша. – Жаль, наган у него, да и обстановка не та, а то бы я тебе, морда твоя анархистская, пустил бы пару пуль между глаз. Однако это тебе не Жаров. Этот с меня глаз не спустит, а при случае спустит шкуру. Очень даже просто. Тут главное не ошибиться.

Махно наконец-то наелся, вальяжно отвалился на спинку кресла, громко рыгнул и спросил Мишу:

- Ты думаешь, что я отпущу тебя?

- А зачем я вам? Со мной хлопот не оберёшься.

– Смело. Очень смело, – батка в упор посмотрел на Мишу своими колючими глазками, словно выстрелил. – А что, если я тебя просто расстреляю как шпиона и всех делов? Или ты думаешь, что мне заняться нечем, как с тобой тут разговаривать?

- Не расстреляешь, – твёрдо сказал Миша.

- Почему? – даже как-то опешил Махно.

– Сегодня праздник. Грех, – ответил Миша. – Я тебе нужен. Иначе не кормил бы меня тут. Махно весело рассмеялся.

– А ты не трус. Уже хорошо. Многие, кто здесь сиживал, тряслись от страха. Так зачем ты мне нужен? Поясни.

– Если бы не был нужен, то не разговаривал бы, а просто шлёпнули за околицей и всего делов-то. А зачем нужен, ты и сам знаешь.

Махно изумлённо смотрел на Мишу некоторое время, затем резко и громко рассмеялся. Потом так же резко замолчал. Походил по комнате и остановился напротив окна, за которым бродила развесёлая публика. Публика гуляла, не обращая никакого внимания на стоявшего и смотревшего на них маленького, но такого властного и страшного в гневе человека, от которого всецело зависела их судьба.

– Молодец, что не боишься, – сказал он, не поворачиваясь к Мише. – Не многие здесь храбрость свою показывают. Но ты мал и глуп. Потому и ведёшь себя соответственно. У меня с Жаровым мир. С Петлюрой тоже перемирие. Они сейчас хлыщутся там. Идейные. Я тоже идейный, а сижу здесь и у меня своё государство. Свободное, не как у них. Здесь нет ни хозяев, ни батраков. Анархия. Сегодня мой человек переправит тебя к белым. Передашь брату

письмо. Сейчас он там. Я слышал о нём. Серьёзный человек. Тоже идейный. Монархист до мозга костей. Жаль, что не со мной. Мне такие сейчас до зарезу нужны.

Миша думал, что ему предстоит трудный и опасный путь по заполненному врагами пространству. Стрельба и погони, но всё оказалось куда проще. Вечером в сопровождении всё тех же мужиков, что поймали его на опушке, Мишу в течение какой-то пары часов доставили в штаб белых. словно на прогулку съездили. Полковник Пётр Тарков как раз был там.

– Миша? – Пётр встал и подошёл к брату. – Ты... Ты что здесь делаешь? Ты как вообще попал сюда?

Миша устало сел на стул и, сам не ожидая от себя такой слабости, заплакал. Всё, что накопилось в нём за последнее время, что он с таким трудом сдерживал в себе, в один миг вырвалось наружу. Гибель родителей, сестры, в которой Миша души не чаял, его путь к брату, всё это перемешалось у него в голове и давило со страшной силой, требуя выхода. Миша глядел в родное лицо Петра и плакал. Полковник подошёл к брату, молча обнял его. Он понимал, что слова сейчас не нужны. Они лишние, да и что он мог сказать? Чем утешить? Ничем.

До полуночи Пётр расспрашивал Мишу, слушал. Временами вскакивал и нервно ходил по комнате.

– Дома, говоришь у нас теперь нет? Ничего, Миша, дом – это ещё не вся Россия. У нас сила. Казаки поднялись, а это дорогого стоит. Поверь мне. Махно тоже задумался, к кому перекинуться. Сволоч, конечно, порядочная. На таких нельзя надеяться, но сейчас не до сантиментов. С запада оружие идёт. Я понимаю, что монархию уже не вернуть, но и отдавать власть этой черни мы не намерены. Ты сам видел, что кругом творится. Я бы понял, если бы воевали дворяне с холопами как при Пугачёве, Стеньке Разине. Нет. Всё гораздо страшнее. Брат на брата пошёл, Сын на отца. Вот в чём суть вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.